

АЛЕКСАНДРА ИШИМОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ В
РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Вся детская классика

Александра Ишимова

**История России в
рассказах для детей**

«Public Domain»

1836

УДК 94(470)-053.2
ББК 63.3(2)

Ишимова А. О.

История России в рассказах для детей / А. О. Ишимова —
«Public Domain», 1836 — (Вся детская классика)

ISBN 978-5-17-114924-6

Книга А. О. Ишимовой (1804–1881) «История России в рассказах для детей» впервые была издана в 1836 году и до конца столетия переиздавалась шесть раз. Предназначенная детям, она интересна и взрослому читателю: в ней собрана обширная информация о тысячелетней истории Отечества. За свой исторический труд писательница получила почетную Демидовскую премию Российской академии наук. О творчестве А. О. Ишимовой, писательницы, переводчицы, педагога, высоко отзывались А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский и другие великие писатели. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 94(470)-053.2
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-114924-6

© Ишимова А. О., 1836
© Public Domain, 1836

Содержание

Глава I	7
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	27
Глава VIII	33
Глава IX	37
Глава X	40
Глава XI	43
Глава XII	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александра Иншимова

История России в рассказах для детей

© ООО Издательство «Родничок», 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава I

Славяне и их соседи

Назад тому лет без малого тысячу на той земле, где ныне Русское царство, таких больших городов, как Петербург или Москва, не было. Да и городами не то называлось, что ныне.

Известно, что такое семья. Родные между собою семьи составляют *род*; роды, которые произошли от одного человека, составляют племя, а родственные племена составляют народы. В Русской земле каждый род жил в старину особо. Только в таких местах, где было опасно от зверей или от чужих людей, несколько родов жили вместе. И жили небогато. Каменных домов совсем не было, да и деревянные-то избы строились кое-как, больше на шалаши походили. Такие-то избы огораживали плетнем или забором, чтобы зверь или неприятель не мог скоро пробраться. Вот это и называлось тогда городом. Да и таких-то городов в то время было мало, а просто жили особняком, среди лесов и болот, так что и дорогу к жилью было трудно сыскать. Это делали для того, чтобы лучше укрыться от врагов. А врагов было много.

Нынче, если люди поссорятся или захотят владеть одною и той же вещью, то могут судиться. Есть законы, по которым судьи решают, кто прав и кто виноват. Тогда никаких законов не было. В каждом роде старший начальствовал и назывался старшиной. Он в своем роде и судил. А если случалось, что кто из одного рода поссорится с кем из другого рода, тогда старшины обоих родов решали спор. Но если один старшина так рассудит, а другой иначе, тогда, случалось, что дело и до ссор доходило. Да еще вот какая была беда. Если случалось, что в ссоре кого-нибудь убьют, так его родные думали, что за это непременно нужно убивать того, кто это сделал. А за того его родные вступались. Начиналась вражда и война между родами, грабили друг друга и много людей убивали.

Хотя, говорят, в этих местах проповедовал святой апостол Андрей, только после его проповеди прошло без малого 800 лет, и люди совсем позабыли, что слышали про веру Христову.

Главный народ, который жил на нынешней Русской земле, назывался славянами. Они верили, что есть два бога: один белый, добрый, солнышко, свет; другой черный, злой, потемки. Славяне думали, что эти боги воюют между собой: белбог хочет всего доброго, а чернбог всего худого; днем побеждает белбог, солнышко, а ночью – чернбог, потемки. Потом они придумали, что молния сильнее солнца, потому что ее и ночь побеждает. Молнию-то они и называли Перуном и стали ей поклоняться. Только как же ей поклоняться? Ведь молния бывает редко и не в ту пору, когда человек захочет. Вот и стали они делать истуканов из дерева и называли их Перунами, молились им, будто молнии, а потом стали думать, будто уж и сами эти истуканы боги. И мало одного Перуна – придумали много богов. Стали верить, будто над стадами имеет власть бог Волос, над ветрами – Стрибог, будто в лесу живут лешие, в домах домовые, в воде водяные и русалки, будто еще есть упыри, кикиморы. Другой народ, живший в то время на Русской земле, финны, тоже имел много богов, имена которых неизвестны.

Два главных народа, жившие тогда в нынешней России, славяне и финны, разделялись на племена. Славянские племена были: поляне, древляне, лутичи, тиверцы, хорваты, бужане, полочане, дреговичи, северяне, вятичи, радимичи, кривичи. Финские племена: чудь, нарова, ижора, ямь, корела, весь, пермь, меря, мурома, черемиса, мордва.

Славяне были сильнее, красивее и мужественнее финнов. Тогда еще не было ни пушек, ни ружей, ни пистолетов, пороха не знали, а бились копьями, дротиками, мечами, саблями, ножами, кинжалами, стрелами; стрелы еще ядом намазывали. Меч – все равно что сабля, только меч прямой, а сабля кривая. Кинжал походил на нож, только им колот, а не режут. Дротик – маленькое копьё, которым бросали во врагов. Надевали также на себя панцири и

закрывались щитами. Панцирь – стальной кафтан, а щит – круглая или четырехугольная доска с рукоятью, обитая кожей. В панцирях только именитые и богатые люди выходили на бой.

Начальствовали войсками те же старшины, и не было порядка, кто где хотел и как хотел, так и сражался. Оттого славян иногда и побеждали такие народы, которых они были храбрее. А храбростью славяне славились. Часть их покорил народ авары, и когда аварский хан Баян ходил на войну, то были в его войске славяне, и он их всегда ставил впереди всех. Иногда авары их нарочно покидали посреди врагов, и славяне никогда не отдавались без боя – до последнего погибнут, а не сдадутся.

Славяне были очень честны: уж если что обещают, то непременно сдержат слово. Когда славянин скажет: «Если не сдержу слова, да будет мне стыдно», так можно на это слово смело положиться. Может быть, с этих еще пор появилась пословица: «Не давши слова – крепись, а давши – держись», потому что, как сами мы, русские, от славян произошли, так и язык наш от славянского.

Любили также славяне гостей потчевать. Уходя из дома, они оставляли отпертые двери и пищу для всякого, кто вздумает зайти. А если гость придет, когда они сами дома, так старались потчевать его всем, чем Бог послал. Даже вот какой у них был обычай. За кражу они, если вора поймут, на месте убивали, а тут, если зайдет гость к бедному человеку, которому нечем его попотчевать, так позволялось этому человеку украсть у соседа, только было бы чем попотчевать гостя. И уж гостя славянин никому в обиду не даст: скорее сам умрет, а не допустит ему какое-нибудь зло сделать.

Одевались тогда так, как ныне наши мужички, только еще надевали корзны и луды. Это все равно что епанчи. Серьги и мужчины носили; а женщины побогаче носили на шее золотые, серебряные и медные цепи, ожерелья из зеленого бисера, на груди маленькие коробочки из золота, серебра или меди, смотря по состоянию. На коробочке было кольцо, а к кольцу привязывался большой нож.

Молодые читатели, верно, слышали о востоке, западе, севере и юге. Если встать лицом к тому месту, где восходит солнце, то перед нами будет восток, по правую руку полдень, за нами запад, а по левую руку полночь. А полдень зовут еще югом, полночь – севером.

Тогда вся Русская земля, кроме южной и самой северной частей, была покрыта лесами. Такие леса были, что и дороги в них не прокладывались, а больше по рекам да по речкам ездили. Около них и селились. В лесах было много всяких зверей: медведей, волков, лисиц, буйволов, оленей. Даже водились бобры и соболи, шкурки которых очень дороги и которых ныне в русских лесах нет. Славяне и финны промышляли тем, что ловили зверей. В их земле много было рек и озер, богатых рыбою, так занимались они и рыболовством.

Пока какой-нибудь народ живет только этими двумя промыслами, до тех пор он очень беден. Не посчастливится на промыслах, так хоть с голода умирай. И действительно бывало так, что звероловы умирали от недостатка пищи. Когда народ делается посметливее, то выискивает себе промыслы повыгоднее: либо заводят стада домашних животных – лошадей, коров, овец и прочее, либо займются хлебопашеством. Больших стад у славян и финнов не было. Но хлебопашеством некоторые их племена с успехом занимались. Может быть, поляне от того и названы так, что у них было много полей. Также добывалось в Русской земле много меда. Хлебом, мехами, медом и воском славяне и финны торговали, то есть меняли их на другие вещи.

На юг от славянской земли было Черное море и земля Греции. Греки были народ богатый. Главный город у них назывался Царьградом. Его же называют Константинополем и Византией. Он был больше нынешнего Петербурга и не уступал ему богатством. Город этот недалеко от Черного моря, а в это море впадает река Днепр, по которой лежала земля полян – по этим морю и реке и можно было проехать из греческой в славянскую землю. Вот с греками-то и была главная торговля славян. Рассказывают, что на Днепре поселился со своим родом славянин по имени Кий, который перевозил через эту реку и стал богат. От него будто бы и назван город

Киев. Подле Киева есть горы Хоревца и Щекавица и река Лыбедь, так после и придумали, будто у Кия были братья Щек и Хорев и сестра Лыбедь, и те горы и речка от них названы.

На юг от Киева, по рекам Днепру, Бугу и Днестру, все степи. Там за тысячу лет совсем не было хлебопашества, а жили такие народы, у которых много стад. Если на одном месте у них корма для стад не доставало, тогда они переходили на другое место. Поэтому и домов у них на одном месте не было, а куда придут, там и поставят свои кибитки или шатры, да в них и живут. Эти степи не только около Черного моря, а идут дальше к востоку на многие тысячи верст, до части света, которую называют Азией¹. По этим степям и в наше время многие народы кочуют, то есть переходят с места на место, а в прежние времена разные кочевые народы шли один за другим с востока на запад и беспрестанно выгоняли один другого. Вот из таких народов были хазары. Их государь назывался каганом, был очень богат и жил в каменном дворце. Он был еврейской веры, а хазары были одни христиане, другие евреи, третьи магометанской веры. Хазары победили славянские племена, которые жили к ним поближе, и заставили их платить дань, или подать. Говорят, будто поляне сперва дали им дань мечами, и хазарские старшины, когда посмотрели на эти мечи, то сказали: «Мы будем после платить им дань, потому что у них мечи остры с обеих сторон, а у нас только с одной». Потом поляне стали платить им по белке с дыма, то есть с жилья.

Кроме славян и финнов, жили еще в Русской земле народы: литва, ятвяги, корсь, дивь, летгола.

Самые старинные города финнов: Ростов, Муром, Белоозеро.

А у славян были еще города, кроме Киева: Новгород, Полоцк, Смоленск. Места, где стояли эти города, тоже были торговым путем. Из реки Днепр перетаскивали лодки в реку Ловать, которая течет в озеро Ильмень. Из Ильменя выходит река Волхов и впадает в Ладожское озеро. На Волхове-то и стоит Новгород. Из Ладожского озера река Нева течет в море, которое ныне называют Балтийским, а в старину называли Варяжским.

За этим морем жил храбрый народ: славяне называли его варягами, а другие – норманнами. Земля у норманнов не хлебородная, обрабатывать ее тяжело, а море близко. Вот они с давних пор и привыкли плавать по морю и грабить, кто им на море или на берегах попадался. А потом из моря стали они по рекам и внутрь разных земель пробираться и навели такой страх на те земли, что там даже в церквах особая молитва была: «Спаси нас, Господи, от норманнов».

Норманны так любили воевать, что придумали, будто на том свете, в раю, только и будут делать, что биться да пировать. Были у них даже такие охотники биться, что вдруг, ни за что ни про что, начинали биться между собою, огонь глотали, железо грызли.

Варяги знали, что Греция богата, и пробирались туда, одни – грабить, другие – торговать, третьи – служить греческим государям, которые дорого за это платили. А ездили туда варяги через славянскую землю, именно по Ладожскому озеру и дальше, по Днепру и Черному морю до Царьграда.

¹ Частей света пять: Европа, Азия, Африка, Америка и Австралия.

Глава II

Рюрик. – Олег. – Игорь

Норманны заставили новгородцев и другое славянское племя, да и три племени финских платить им дань. Однако славяне и финны справились, выгнали незваных гостей и стали жить по-прежнему. Да недолго так жили. Много было беспорядков, правда не соблюдалась. Случится спор у людей из разных родов, сойдутся старшины их судить, каждый за своего родного вступается. И начали роды друг с другом воевать.

А был тогда обычай, если какое-нибудь важное дело, то собирались в одно место старшины всего племени или даже из нескольких племен, которые дружно жили между собою. Вот старшины племен, которые выгнали варягов, собрались да и начали думать, как бы им от беспорядков избавиться. Как же это сделать? Беда вышла от того, что правдивого судьи не было. Будь такой судья, тогда и стали бы славяне мирно жить между собою. Только откуда же его взять? Из славян или финнов нельзя выбрать такого судью: опять будет делать несправедливости для своих. Надо судью из людей чужих – он вернее судить будет. Да и еще такого судью надо, чтобы силу имел, чтобы, если подсудимый упрям, то заставил бы его слушаться. И положили славяне искать себе судей в чужой земле, именно у варягов. Слыхали они, что в одном роде варяжском², который назывался Русью, есть три князя, которые и судят правдиво, и хорошие воины, так что и подданных сумеют заставить слушаться, и никому их в обиду не дадут. Этих братьев звали: Рюрик, Синеус и Трувор. Вот славяне и отправили к ним послов. Послы пришли, поклонились этим князьям и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядка у нас нет, придете княжить и владеть нами». Эти князья согласились на их просьбу и пришли к ним со всем своим родом и дружиною.

Дружиной те назывались, которые за каким-нибудь князем или главным военачальником ходили на войну. Они ему были не родня, а потому служили, что надеялись с ним больше добычи получить, и точно, хороший князь очень любил свою дружину и берег ее.

Рюрик с братьями пришел в славянскую землю и привел с собою весь свой русский род, отчего и земля, где они стали княжить, назвалась Русью.

Случилось это в 862 году после Рождества Христова. Значит, теперь больше тысячи лет, как это случилось, тогда и началось Русское государство. Рюрик, Синеус и Трувор стали судить славян и финнов, которые их призывали, обороняли их от врагов, а они платили им за это дань. Платили дани столько, сколько назначит князь. Он сам за нею каждый год и ездил.

Синеус стал княжить в городе Белоозеро, Трувор – в Изборске, а Рюрик – сперва в Ладоге, потом в Новгороде. Братья его умерли, и он стал всей Русью править. Только не велика она была. Ныне у нас есть такие губернии, которые больше всей тогдашней Руси. Однако норманские князья тотчас же стали свою землю увеличивать, покорили города Полоцк, Муром, Ростов. Лучше стало славянам под властью князей, беспорядок кончился. Князья начали судить по правде, а если кто не слушался, того наказывали. Новгородцы вздумали было своевольничать, но Рюрик их усмирил. И из соседей никто не стал их обижать. Впрочем, он сам судил только в Новгороде, а в иных городах посадил бояр, которые и стали судить вместо князя, оттого и назывались наместниками. Бояре эти были из княжеской дружины. В ней старшие, важнейшие люди назывались боярами, а меньшие – гриднями и воями. Слуги же княжеские назывались отроками. Всякий мог проситься в княжескую дружину и в ней, пожалуй, дослужиться и до боярина. У самых славных бояр тоже были свои дружины. Наместникам были большие выгоды.

² Ныне идет спор о том, что Русь не варяжское, а литовское племя.

Из дружины Рюрика было два воина, Аскольд и Дир, которые тоже хотели быть наместниками, но он им не дал городов. Они отпросились у него в Царьград, чтобы служить греческому императору. Рюрик их отпустил. Вот они со своим родом поплыли по Днепру и увидели Киев. Спросили, чей это город, узнали, что он платит дань хазарам. Они остановились тут. Около них собралось довольно варягов, которые все еще продолжали этим путем ходить в Царьград на службу. Киевляне стали им платить дань вместо хазар; соседних славян они победили и стали княжить в Киеве. Когда же Аскольд и Дир здесь усилились, вздумали идти в Царьград уже не служить, а воевать и поплыли туда на двухстах судах. А греческое войско в это время воевало в другом месте. Русские стали грабить окрестности Царьграда, навели ужас и на самый город. В нем была влахернская церковь, где хранилась риза Божией Матери. Главный архиерей греческий, который назывался патриархом, совершил молебствие и обнес эту ризу вокруг стен города. Поднялась буря, лодки русских разбило, они сами едва спаслись на берег и стали просить мира, а когда узнали все, что было, захотели сделаться христианами. Греки этому очень обрадовались, окрестили Аскольда и Диру и остаток их дружины, наделили им золота и серебра, шелковых тканей, и они воротились в Киев. С Рюриком они не совсем дружно жили, нападали на его южные земли, принимали тех, кто к ним уходил из Новгорода. Но Рюрик скоро умер; сыну его Игорю было только два года, и северной Русью стал править старший в рюриковском роду – Олег.

Олег был хитрый человек. Сперва он взял города Смоленск и Любеч, которые стояли на дороге из Новгорода к Киеву; потом собрал большое войско из всех подвластных ему народов и поплыл к Киеву на лодках. Только большую часть лодок позади оставил, на остальных воинов спрятал, приплыл к Киеву и послал сказать Аскольду и Диру, что приехали варяжские купцы, да понездоровилось им, потому они и просят князей прийти к ним на суда. Князья поверили, взяли с собой немного людей, пришли на суда к Олегу, а он вышел к ним с малолетним Игорем на руках и сказал: «Вы не князья, а вот сын Рюрика». И в ту же минуту воины его вышли из-под палуб судов, бросились на Аскольда и Диру и убили их.

В Киеве Олегу очень понравилось: в Киеве и теплее, и родится все хорошо, и земля богатая. Он сказал: «Пусть Киев будет матерью русских городов», и стал в нем жить, а в Новгороде оставил наместника. Но между Новгородом и Киевом еще оставались славянские племена, которые не были еще подвластны Олегу. Он всех их покорил, хотя из них древляне и северяне очень храбро с ним бились. Хазары, которым северяне прежде платили дань, не могли за них заступиться, потому что воевали в то время с кочующим народом печенегам, который вновь появился у Черного моря. Эти печенеги были страшные разбойники. Но о них еще будет рассказано дальше, а теперь послушайте, что сделал Олег. Вздумал он идти на Царьград и собрал войско из всех племен, которые ему были подвластны, так что, говорят, будто у него было, кроме конницы, две тысячи судов и на каждом по сорок воинов.

В старину были люди, которые записывали все, что при них случалось в Русской земле. Их сочинения называются летописями. Только еще во время Олега таких летописцев не было. Первый летописец русский, преподобный Нестор, жил лет через двести после Олега и слышал от стариков про дела этого князя, а старики были не прочь и прибавить; поэтому преподобный Нестор хоть записал их рассказ в летопись, но нельзя этому рассказу вполне верить. Они рассказывали, что греки не посмели встретить русских в поле, а загородили пристань цепями, заперлись в Царьграде, но войско Олега выжгло всю окрестность, и князь велел еще перетаскать по земле лодки в пристань. При этом рассказчики выдумали, будто Олег велел поставить лодки на колеса и распустить паруса, и будто лодки от ветра покатались. Греки испугались, стали просить мира и выслали войску Олега пищу и питье. Только он не велел ни к чему прикасаться, и хорошо сделал, потому что и в питье, и в пище была отравка. Так-то Олег перехитрил греков. Вот они видят, что делать нечего, согласились дать ему богатую дань. Тогда они помирились и составили договор. Греки обязались давать съестные припасы русским людям, кото-

рые будут приходить в Царьград торговать, а русские обязались не грабить греческих земель. Также условились, что делать в случае убийства или воровства русских у греков или греков у русских. Русские договорились помогать греческим кораблям, которые будут выброшены ветром на чужую землю. Греки обязались выкупать русских из неволи, а русские греков.

Олег повесил свой щит на воротах Царьграда и воротился в Киев со множеством золота, дорогих тканей, вина, плодов и овощей, которые растут в Греции, и народ прозвал его вещим, т. е. мудрецом.

Игорю уже было за двадцать лет, но он во всем слушался Олега. Игорь любил заниматься охотой. Вот раз охотился он в Псковской области и увидел девушку-красавицу, разговорился с ней и узнал, что она скромная и умная. Очень она ему понравилась, и с позволения Олега он на ней женился. Ее звали Ольгой. Пока Олег ходил в Царьград, Игорь оставался в Киеве.

Олег и до похода, и после похода много старался о том, как устроить Русскую землю, объезжал ее, творил суд и расправу, устанавливал дани. Весь народ его очень любил. О смерти его вот что рассказывают. Было много волхвов, или кудесников, то есть колдунов. Олег и спросил одного из них, от чего он умрет? А волхв и говорит: «От твоего любимого коня». Олег перестал ездить на этом коне, велел его покоить и холить. Воротившись из царьградского похода, он спросил, где этот конь? Ему и говорят, что конь издох. И стало князю жалко коня, захотел он посмотреть его кости, приехал туда, где они лежали, наступил на череп и сказал: «Зачем я послушался этого кудесника? Он все ложь говорил: сказал, что я умру от коня, а вот конь-то мертвый, а я жив и здоров». Когда князь говорил это, из черепа коня выползла змея, обвилась вокруг ноги князя и ужалила его. От этого Олег умер.

Народ очень жалел и плакал об Олеге. А княжить стал Игорь. С его времени русские князья стали называться великими князьями.

Печенеги, что прежде бились с хазарами, подошли к Русской земле и стали кочевать около устья Днепра. А там на этой реке пороги, то есть камни, которые мешают плавать. Так на всякое судно, которое плывет мимо и позамедляется, печенеги на конях или на кожах бросятся с берега, да и грабят его. Кони у них были быстрые. Печенеги обыкновенно окружали своих врагов и пускали в них стрелы, а потом скакали прочь. Грабители они были страшные и много наделали горя Русской земле. Однако сначала они с Игорем жили мирно. При Игоре большую силу имел воевода Свенельд: он даже ходил вместо князя собирать дань и стал очень богат. Игорь дважды ходил на Царьград. В первый раз греки пожгли его корабли составом, который назывался греческим огнем. Из чего состоит этот состав, ныне, наверное, не знают. Он горел и под водой. Только греки умели его готовить, и он очень помогал им в войнах. А в другой раз Игорь собрал большое войско, нанял варягов и печенегов; но греки услышали, что он идет, и предложили дань, чтобы он помирился. Он спросил совета у дружины. А дружина сказала: «Лучше помириться, а то кто знает, чем война кончится, да и морю нельзя верить!» Игорь и точно помирился, сделал с греками договор, только уже в нем было меньше выгод для русских, чем в Олеговом. В это время у Игоря в дружине уже были христиане. Он сам с другими идолопоклонниками поклялся Перуном, что будет соблюдать договор, а христиане поклялись в соборе Ильи Пророка в Киеве.

Дружина Игоря завидовала Свенельдовой и стала говорить: «Отроки Свенельда богаты оружием и платьем, а мы наги. Поди, князь, с нами собирать дань: и ты разбогатеешь, и мы». Игорь пошел с ними к древлянам, взял с них дани больше, чем они платили прежде, и пошел было в Киев, но раздумал, большую часть дружины отпустил, а сам сказал: «Я ворочусь, еще похожу». И пошел к древлянам, а дружина с ним была малая. Древляне, как услышали, что он идет, сказали: «Поведется волк к овцам, перетаскает все стадо, пока не убьют его. Так и этот: пока не убьем его, всех нас разорит». Потом послали ему сказать: «Зачем ты идешь, ведь ты взял всю дань?» Но он их не послушался; тогда они вышли из города Коростеня, побили его

дружину, а самого его взяли в плен, пригнули два дерева верхушками к земле, привязали к ним ноги Игоря, потом верхушки отпустили, его и разорвало на части.

Глава III

Ольга. – Святослав

От древлян пришли в Киев послы и сказали Ольге: «Нас послала к тебе Древлянская земля. Мужа твоего мы убили, потому что он нас грабил, а наши князья добрые, не пойдешь ли ты замуж за нашего князя Мала?»

Ольга им на это сказала: «Люба мне ваша речь, уж мужа мне не воскресить; завтра я хочу сделать вам почет перед моими людьми: идите-ка в свою ладью, да и лягте в ней; когда же я завтра пришлю за вами, так и скажите: не хотим ни идти, ни верхом ехать, а несите нас».

Древляне послушались ее, так и отвечали назавтра киевлянам. Киевляне им сказали: «Мы люди невольные, князь наш убит, а княгиня замуж идет за вашего князя». И подняли они лодку, на которой сидели все 20 послов древлянских, да и понесли к терему княгини; древляне сидели в лодке и величались, а киевляне принесли их на двор к терему, да и бросили с лодкой в глубокую яму. Ольга посмотрела на них из терема и спросила: «Довольны ли честью?» А они закричали: «Ох! Хуже нам Игоревой смерти». А Ольга велела их тут же засыпать живых в этой яме. Потом она послала сказать древлянам: «Я хочу идти за вашего князя, но только еще пришлите послов, именитых людей, иначе киевляне меня не отпустят». Древляне поверили, послали своих старшин. Ольга велела для них по приезде истопить баню; пошли они туда, а княгиня приказала ее зажечь – так они там и сгорели.

Еще она послала к ним сказать, что идет сама в их землю, только наперед надо ей тризну по мужу справить. Тризной у них назывались поминки. Если умирал знатный человек, то славяне над ним земляную насыпь делали, оттого вот и вышли курганы в степях. И клали с покойником и деньги, и коня его, и меч, и разные вещи. Они, видите, думали, что на том свете все это мертвому-то понадобится. Насыпав курган, славяне начинали вокруг него бороться, на кулачки биться, взапуски бегать. А после этого пировали. Вот Ольга и приехала с дружиной к Игоревой могиле. Собрались туда и древляне на тризну. Спрашивают Ольгу: «А где же наши послы?» Она говорит: «Послы с дружиной приедут». Начали древляне пировать; употчевала их Ольга на славу, так что они опьянели. Тогда она велела своим отрокам выпить за их здоровье, сама ушла, а дружина ее бросилась на пьяных древлян и принялась их рубить. И погибло их до пяти тысяч человек. А Ольга воротилась в Киев, собрала большое войско и пошла на древлян войной. Древляне тоже вооружились.

У Игоря и Ольги был сын Святослав, еще ребенок, лет двенадцати. Однако когда сошлось киевское войско с древлянским, Святослав первый бросил копье. Только где же ребенку бросить далеко! Копье упало к ногам его коня, а воеводы Свенельд, что, помните, был у Игоря, и Асмуд, который воспитывал князя Святослава, закричали: «Князь уже начал, потянем, дружина, за князем». Тут все киевляне дружно ударили на древлян и победили их.

Все древлянские города покорились Ольге, кроме Коростеня, того самого, жители которого убили Игоря. Они были всех виновнее, так больше других и сражались.

Целое лето Ольга с войском простояла под городом, а взять не могла. Наконец посылает им сказать, что лучше им покориться и дань заплатить. Они отвечали, что рады заплатить и медом, и мехами. Ольга им на это сказала: «Не нужно, и изнурять вас не хочу, дайте мне только по три голубя, да по три воробья с дома». Как услышали это древляне, обрадовались, что она наложила такую легкую дань. Тотчас же ей доставили птиц. Она сказала, что завтра же уйдет в Киев, сама раздала каждому в своем войске по голубю или по воробью, да и велела, как стемнеет, привязать к каждой птице серу и трут, зажечь, да и пустить на волю. Так и сделали. Голуби и воробьи полетели прямо в свои гнезда в древлянских домах. Тотчас же все дома

в Коростене загорелись. Древляне перепугались, бросились бежать, а Ольгины воины стали их ловить. Часть их сделала Ольга рабами, а на других наложила тяжкую дань.

Святослав еще был молод, так Ольга и стала править Русью. И всю ее объехала, везде уставы и уроки назначала, то есть показала, как надо судить и по сколько дани брать. И такая она была добрая и справедливая, что в Несторово время, то есть лет через сто с лишком после ее объезда, народ вспоминал о ней и указывал, где она остановилась и тешилась охотой. И во Пскове еще тогда даже и сани стояли, в которых она ездила. За справедливость и за разум весь русский народ назвал Ольгу мудрую.

Вздумала Ольга в Царьград съездить, потому что много наслышалась об этом городе. В пристани ее там задержали, потому что греки боялись впускать русские суда, не узнавши хорошенько, зачем они пришли. Потом ее приняли с почестью.

Императором в то время был Константин Порфирородный; он велел показать ей самые богатые царьградские церкви и службы и, показывая, рассказывать о вере христианской. Ольга много слышала об этой вере еще и в Киеве, да уже и по уму своему давно видела, что истуканы, которым славяне молятся, не настоящие боги. А тут как она хорошенько разузнала о вере христианской, то и захотела креститься. Сам император был ее крестным отцом. Она была и во дворце у него, обедала там, император дарил ее, только небогато.

Когда же она воротилась в Киев, император прислал просить у нее даров и войска на помощь. А она велела сказать ему: «Когда ты постоишь у меня столько же на Почайне³, сколько я стояла у тебя в гавани царьградской, тогда дам тебе все это».

Всех, кто был с нею в Царьграде, окрестили. Она и на Руси хотела всех обратить в православную веру, потому что была очень усердна к ней; но первым ее не послушался сын ее Святослав и сказал: «Как я окрещусь, ведь дружина надо мною смеяться станет?» А Ольга ответила: «Если ты окрестишься, то и все окрестятся».

Но Святослав не хотел принять веры Христовой. Он думал только о войне. Отовсюду к нему собирались в дружину храбрые люди, и жил он с ними душа в душу. Когда выступал в поход, то не брал с собою ни палаток, ни котлов. Пищи он не варил себе, а нарежет тонкими ломтями конину, или говядину, или звериное мясо, зажарит, да тем и питается. Шатров тоже у него не было, а спал он на войлоке, положивши седло под голову. Ходил с войском очень скоро и никогда не нападал нечаянно, а всегда наперед посылал сказать тому народу, с кем хотел воевать, «Иду на вы», и потом уже нападал.

Я уже говорила, что прежние южные славянские племена платили дань хазарам; теперь они одно за другим отходили к Русской земле. Поэтому и вышла у Святослава война с хазарами. Он победил их и покорил главный их город Саркель на реке Дон.

А потом началась у него война с болгарами. Болгары жили на реке Дунае, были очень храбры и часто нападали на Грецию. Греческий император Никифор Фока и послал своего боярина Калакира к Святославу, обещал ему несколько пудов золота за то, чтобы он напал на болгар. Калакир подружился со Святославом, подарил ему много подарков, и сговорились они, что Святослав завоюет Болгарскую землю, а потом поможет Калакару сделаться греческим императором. Святослав собрал 60 тысяч человек войска и пошел в Болгарию. Болгары его встретили храбро, но он их победил и даже взял главный город болгарский Переяславец, а царь болгарский умер с горя.

Правила Русью в это время Ольга. Только там чуть было большая беда не случилась. Печенеги подступили к самому Киеву, со всех сторон осадили его, так что нельзя было ни туда, ни оттуда пройти. Они хотели заставить сдаться киевлян голодом. И точно, уж в городе и в пище, и в питье стали нуждаться. А войска русского вблизи не было. Только за Днепром стояло немного воинов с воеводой Претичем, да и они не смели напасть на печенегов. Киев-

³ Почайна – река близ Киева.

ляне положили послать к Претичу сказать, что если он им не поможет, они не стерпят голода, сдадутся печенегам, выдадут им Ольгу и маленьких детей Святослава.

Вызвался один молодой человек передать эту весть Претичу, он умел говорить по-печенежски, взял узду, пошел промеж их войска и стал спрашивать, не видели ли они его коня? Они подумали, что он тоже печенег, не тронули его, а он дошел до Днепра, бросился в реку и поплыл. Печенеги пустили в него стрелы, но не попали, а воины Претича выплыли к нему навстречу и приняли к себе в лодку.

Как Претич услышал, что киевлянам очень худо пришлось, то и положил идти к ним на выручку; думал так, что если хоть города не спасет, то по крайней мере княгиню и маленьких детей из беды выручит. Вот назавтра, на рассвете, поплыл он через Днепр на лодках и велел своим воинам трубить как можно громче. Киевляне услышали это и тоже закричали от радости, а печенеги отошли от берега. Ольга и дети Святослава вышли из города, сели в лодку и поплыли на другой берег Днепра. Воевода печенежский подъехал к Претичу и спросил: «Кто это пришел?» А Претич сказал: «Я воевода княжеский, а за мной и сам князь будет». Печенег сказал, что хочет с ним быть в мире, подарил ему коня, саблю и стрелы, а Претич подарил ему броню, щит и меч. Печенеги отступили от города. Киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь, а свою не бережешь: нас с твоей матерью и детьми чуть печенеги не взяли. Разве тебе не жаль своей отчины, старухи матери и детей?»

Святослав воротился в Киев, победил печенегов, но стал скучать в Киеве. «То ли дело в Переяславце, – говорил он. – Туда со всех сторон привозят все хорошее: от греков золото, ткани, вина, овощи, от чехов и венгров – серебро и коней, из Руси – меха, воск, мед и рабов».

Чехи и венгры были народы, которые жили к западу от Руси. Из них чехи – тоже славянского племени. Иначе они называются богемцами.

Ольга просила Святослава остаться в Киеве хоть по крайней мере пока она жива. Он и остался. Ольга вскоре скончалась, и он похоронил ее. За ее усердие к вере Христовой и за добрые дела она причислена к лику святых. Народ очень ее любил и горько плакал по ее кончине. Даже древляне на нее не сердились, потому что хоть она сперва и наказала их по делам, но потом была доброю государынею и сделала много хорошего. Святослав, когда она умерла, посадил старшего сына, Ярополка, княжить в Киеве, а второго сына, Олега, – в Древлянской земле. Новгородцы услышали об этом и тоже просили себе князя. Но Ярополк и Олег не хотели к ним идти. А у Святослава был еще третий сын – Владимир. Только те двое сыновей были от знатных жен, а Владимир от рабыни Малуши, ключницы Ольгиной. Брат Малуши, Добрыня, был человек очень умный, хитрый и храбрый. Он научил новгородцев попросить себе в князья Владимира. Святослав согласился на их просьбу.

И стало на Руси три князя, а Святослав опять ушел в Болгарию. Но болгары тотчас же напали на него. Началась страшная сеча; уже болгары стали одолевать, но Святослав сказал: «Уж, видно, нам здесь погибнуть! Постоим крепко, братья и дружина!» К вечеру он одолел болгар и взял Переяславец приступом.

Между тем в Греции императора Никифора Фоку убили, но сделался императором не Калакир, а Иоанн Цимисхий. Он сам был храбрый человек; собрал большое войско, вздумал выгнать Святослава из Болгарии и послал ему сказать, чтобы он вышел оттуда. А Святослав ему отвечал на это, что выгонит его из Царьграда. Цимисхий, чтобы выведать, сколько у Святослава войска, послал ему сказать, что даст подарки на каждого воина его, только нужно знать, сколько их. Святослав сказал вдвое против настоящего числа, а именно 20 тысяч; а греков собралось 100 тысяч, они и напали на русских. Русские оробели было, но Святослав сказал им: «Нам некуда деться. Волей-неволей – надо биться. Так не посраим Русской земли, а ляжем здесь костями. Мертвым не стыдно; а коли победим, то не уйдем от стыда. Я пойду впереди, а ляжет моя голова, тогда о себе думайте». Дружина отвечала: «Где твоя голова ляжет, там и мы сложим головы». И они одолели греков. Однако же после того император собрал очень большое

войско и пошел на русских. А у Святослава уже осталось немного дружины. Болгары держали сторону греков. И стали греки одолевать. Святослав заперся в городе Доростоле. Греки осадили город и не пропускали туда съестных припасов. Святослав ночью вышел из города, достал всего съестного и перебил много греков, но к ним все вновь приходили войска, а у него дружина час от часу убывала. Греки одолевали в битвах. Тогда Святослав согласился помириться с ними и оставить Болгарию. Император за то дал ему много даров. Они даже виделись друг с другом на Дунае. Император приехал на коне, в блестящих латах, с толпой конников, которых называли златоносными; Святослав приплыл на лодке и сам вместе с другими русскими греб веслом. И платьем он не отличался от дружины, только на нем было оно почище. Волосы у него были выстрижены, только по одному клоку висело с обеих сторон: в те времена могли так носить волосы только знатные люди. Шея у него была плотная, грудь широкая, сложения он был хорошего, а грекам показался свирепым.

Возвращаться ему надо было мимо днепровских порогов. Жители Переяславца послали сказать печенегам, что он пойдет мимо них с малою дружиною и большим богатством. Печенеги стали поджидать его у порогов. Свенельд советовал Святославу идти степью, но он не послушался; однако увидя, что множество печенегов стоит у порогов, отступил и стал зимовать в Белобережье, а Свенельда послал степью в Русь за подмогой. Но Свенельд долго не возвращался, припасы у русских вышли, они побили и съели всех коней, не на чем им стало ехать степью и пришлось волей-неволей ехать мимо порогов. Печенеги напали на них. Конечно, они постояли за себя, да числом-то их было очень мало. Печенеги одолели, перебили их. Князь печенежский Кура сделал из черепа Святослава чашу и пил из нее вино по праздникам.

Глава IV

Владимир и его братья

В то время как печенеги убили Святослава, старшему его сыну Ярополку было только 12 лет, а братья Ярополка Олег и Владимир, следовательно, еще моложе были, а потому сами они не могли судить в своих княжествах, начальствовать войском и дань собирать. Для этого у каждого из них был боярин, назывался он кормильцем и распоряжался всем, будто князь. У Владимира кормильцем был дядя его Добрыня; кто были кормильцами у двух остальных князей – неизвестно, а только у Ярополка Свенельд получил большую силу, даже когда Ярополк и вырос, то слушался Свенельда.

Русские князья очень любили звериную охоту, и у каждого князя были свои леса заповедные, такие, в которых никто без позволения хозяина не смел охотиться.

Лют, сын Свенельда, был на охоте, заехал в заповедный лес Олега и повстречался там с самим князем. Князь как узнал, что это сын Свенельда, велел его убить. Свенельд очень рассердился на Олега за убийство Люта и уговорил Ярополка воевать за это с братом. Битва у них вышла недалеко от города Овруча; дружина Ярополка одолела, воины Олега побежали к городским воротам, через ров, по мосту, и там стеснилось их так много, что друг друга сталкивали в ров, столкнули и Олега, он там и умер.

Когда к Ярополку принесли труп его брата, он горько заплакал и сказал Свенельду: «Порадуйся теперь, сбылось твое желанье». А княжество Олегово взял Ярополк себе. Владимир услышал обо всем этом, испугался и убежал из Новгорода за море, к варягам. Ярополк послал своего наместника в Новгород и стал княжить во всей Русской земле. Только в Полоцке княжил князь Рогвольд, у которого была красавица дочь по имени Рогнеда. Ярополк за нее посватался.

Владимир нанял много варягов, воротился в Новгород и выгнал оттуда наместника Ярополка. Новгородцы этому обрадовались, потому что любили Владимира. Он тоже послал сватать за себя Рогнеду. Рогвольд не знал, которого из двух князей выбрать в зятя, и спросил у дочери, за кого она хочет идти. Она сказала: «Не пойду за сына рабы». Тогда Рогвольд просватал ее за Ярополка. Послы Владимира и Добрыня рассердились, собрали большое войско, пошли к Полоцку, взяли его, убили Рогвольда и его сыновей и заставили Рогнеду выйти за Владимира. Потом пошли они к Киеву. Свенельда уже не было; Ярополк во всем слушался другого боярина по имени Блуд. Владимир послал сказать Блуду, если он поможет погубить Ярополка, Владимир за это его станет считать вместо отца. Блуд поверил и стал Ярополку советовать совершить зло.

Дружина у Ярополка была малая, он не мог в чистом поле биться с Владимиром и потому заперся в Киеве, а Владимир стал перед этим городом с войском. Блуд замыслил злое против своего князя и зная, что киевляне не будут помогать ему в этом умысле, стал говорить Ярополку, что киевляне ссылаются с Владимиром, что лучше уйти от них. Ярополк послушался его и убежал в город Родню. Владимир осадил этот город. Блуд опять стал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у твоего брата; нам их не одолеть, лучше помирись с ним». Один верный воин из ярополковой дружины по имени Варяжко советовал своему князю лучше идти к печенегам и просить их помощи, но Ярополк послушался Блуда, пошел к Владимиру; Блуд затворил за ним двери и не велел своим идти за ним; и два варяга из дружины Владимира напали на Ярополка и прокололи его мечами.

Варяги стали очень величаться, что помогли Владимиру завоевать Киев, требовали богатой дани; он им сказал, что дань собирается, а сам собрал войско. Когда они увидели, что у него войска и кроме их довольно, то не посмели буяннить и отправились в Царьград.

Владимир отпустил их, написал к греческому императору, чтобы он разослал их по разным городам, а не отправлял обратно в Русскую землю, что в ней и без них воинов довольно. Добрыня поехал наместником в Новгород.

Владимир стал княжить в Киеве. Он женился на вдове Ярополка. Тогда русские князья жили все равно как теперь турецкие султаны, женились на многих женах. У Владимира их было 800. Рогнеда очень горевала, так что ее даже прозвали Гориславой. И взяло ее большое зло на Владимира; вспомнила она и смерть отца и братьев, и то, что он ее почти совсем бросил. Жила она уже не в Киеве, а близ этого города, в селе Предиславине. Раз Владимир заехал туда после охоты и заснул крепко. Рогнеда решила за все отомстить разом, достала нож и занесла уже руку над грудью князя. Но он проснулся, выхватил у нее нож, велел ей одеться, как она была одета в день своей свадьбы, и дожидаться его. В страхе она научила маленького сына своего Изяслава, что делать. Только что Владимир вошел с мечом в руке, чтобы ее убить, как Изяслав подошел к нему и говорит: «Разве ты думаешь, что ты здесь один?» «А кто же знал, что и ты здесь!» – сказал ему на то Владимир, бросил меч, вышел из комнаты и спросил бояр, что делать с Гориславой. Бояре сказали: «Помилуй ее ради ребенка». Владимир дал ей с Изяславом город Полоцк. Там они и умерли. Род Изяслава стал княжить в Полоцке.

Народ любил Владимира. Он не давал русских в обиду, победил поляков, взял у них города, которые назывались червенскими, победил также болгар, которые жили по Волге. В этом походе был и Добрыня. Болгары хотели платить дань, но Добрыня посмотрел на них и сказал Владимиру: «Нет, оставь их, они не будут данниками; видишь, они в сапогах, а мы поищем лучше лапотников». Владимир и тем еще угождал народу, что очень честил идолов, поставил в Киеве истукан Перуна, деревянный, с серебряной головой и с золотым усом, а Добрыня поставил истукан Перуна же в Новгороде.

Владимир победил еще ятвягов и когда воротился из этого похода, то старшины киевские сказали: «Кинем жребий, кого принести в жертву Перуну». У славян был тогда обычай иногда и людей приносить в жертву, то есть закалывать перед идолами. Жребий пал на молодого варяга по имени Иоанн. Иоанн и отец его Феодор были христиане. Народ послал к Феодору, чтобы он выдал сына на жертву. Но Феодор сказал им: «У вас не боги, а дерево; ныне есть, а завтра сгниют; не едят, не пьют, не говорят, их сделали люди. Бог один. Он сотворил и небо, и солнце, и звезды, и месяц. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына в жертву бесам». Народ рассердился, бросился к дому варяга, сломал забор; Феодор встал в сенях с сыном. Народ закричал: «Дай сына богам». А Феодор сказал им: «Если они боги, то пусть сами возьмут его». Народ еще пуще рассвирепел и убил обоих. Оба они святые.

Многие русские призадумались о словах Феодора. А как подумали, то и не могли не сознаться, что варяг говорил правду. Стал раздумывать и сам Владимир и увидел, что вера в Перуна неправая.

Тут, кстати, соседние народы стали уговаривать Владимира перейти в их веру. Пришли послы от камских болгар, от немецких католиков, от евреев и от греков.

Болгары были магометанской веры. Стали они рассказывать о ней Владимиру, сказали, будто на том свете у каждого магометанина будет в раю по несколько жен, которые никогда не состарятся. Это понравилось Владимиру, да не понравилось, что нельзя пить вина и есть свинины.

Начали ему немецкие католики говорить о своей вере. Но он сказал, что не примет веры от папы.

Кроме тех славянских племен, которые жили в России, были еще их племена: ляхи в Польше, чехи в Богемии, моравы, сорабы, оботриты и поморяне в Германии и прочие. Тех славян, которые жили в Германии, католики насильно обращали в свою веру и очень притесняли. Так, может быть, поэтому и не хотел Владимир иметь с католиками дело.

Евреи тоже хвалили свою веру. Но Владимир спросил их: «Где ваше отечество?» Они сказали: «В Иерусалиме, но Господь во гневе расточил нас по чужим странам». Владимир ответил: «А если Бог вас отверг и расточил, как же вы смеее проповедовать свою веру?»

Греческий посланный рассказал Владимиру, как Господь Иисус Христос сошел на землю для спасения людей, как он вторично придет судить живых и мертвых. Посланник показал князю картину Страшного суда. Владимир задумался и сказал: «Хорошо добрым и горе злым!» А грек отвечал ему: «Крестись и будешь в раю с добрыми».

Однако Владимир не хотел спешить, боялся ошибиться в таком важном деле. Посоветовался с боярами. Они ему сказали: «Всякий свою веру хвалит, а лучше послать в разные земли узнать, где вера лучше».

Владимир послал десять самых умных бояр к болгарам, немцам и грекам. У болгар они нашли бедные храмы, унылые молитвы, печальные лица; у немцев много обрядов, да без красоты и величия. Наконец они приехали в Царьград. Император узнал об этом и сказал: «Пусть они увидят славу Всевышнего».

В Царьграде была церковь св. Софии, там велел император показать русским служение патриарха. С патриархом служило множество духовенства, иконостас сиял в золоте и серебре, фимиам наполнял церковь, пение так и лилось в душу. Когда же вышли с великим выходом, народ упал ниц, говоря: «Господи, помилуй!» Русским показалось, что явились ангелы и вместе с людьми славословили Бога. Когда послы воротились в Киев, то сказали: «После сладкого человек не захочет горького; так и мы: увидя греческую веру, не хотим иной».

Владимир еще раз созвал бояр посоветоваться. Они сказали: «Если бы вера греческая не была лучше всех, не приняла бы ее мудрая Ольга». Тогда Владимир решил креститься, но не хотел он просить об этом греков, боялся этим унижить себя, а хотелось их принудить.

Вероятно, все слыхали про Севастополь? Так почти на том же месте, где теперь Севастополь, стоял в то время богатый город Херсон, или Корсунь, подвластный греческому императору. К этому-то городу подступил Владимир.

Херсонцы долго отбивались. Он велел насыпать вокруг города вал, чтобы оттуда бить херсонцев, но они сами подкопались под стеной и каждую ночь уносили землю, которую русские днем насыпали для вала.

Но был, однако же, между ними доброхот Владимира по имени Анастас. Он пустил в стан Владимиру стрелу, на которой было написано: «За тобой с востока колодцы, из которых идет вода в город, перейми ее». Владимир так и сделал. Херсонцы сдались.

Владимир написал тогдашним греческим императорам Василию и Константину: «Если вы не отдадите за меня вашей сестры, то и с Царьградом будет то же, что с Херсоном». Они отвечали: «Нельзя христианку выдать за язычника, но если крестишься, то получишь и сестру нашу, и вместе царство небесное».

Владимир согласился, говоря, что их вера и прежде ему нравилась. Сестра императора Анна очень опечалилась и говорила: «Иду точно в полон, лучше бы мне здесь умереть». Но братья утешали ее тем, что через ее посредство Господь просветит Русскую землю.

С нею приехали к Владимиру греческие бояре и священники. В это время у него разболелись глаза и он ничего не видел. Царевна сказала ему: «Поскорее крестись, если хочешь исцелиться».

Епископ корсунский окрестил Владимира, князь в ту же минуту прозрел и воскликнул: «Теперь только я узнал истинного Бога!» Видя это, окрестились многие из дружины. Владимир женился на Анне и воротился с нею в Русскую землю, а Херсон отдал грекам.

Глава V

Св. Владимир

После крещения Владимир стал совсем иным человеком, только и помышлял о Боге, о добрых делах, о спасении души. Прежде всего хотел окрестить русских, а чтобы их не смущали идолы, велел Перуна и других бросить в воду или сжечь. Перуна бросили в Днепр, и были приставлены люди с шестами отталкивать его, если он подплывет к берегу. Народ сперва плакал, боялся, что боги рассердятся и сделают какой-нибудь вред; потом, однако, видя, что нет ничего худого, успокоился. Архиереи и священники, которые приехали с Владимиром из Греции, стали ходить по городу и учить народ. Хотя они были греки, однако учили народ по-славянски.

Вот как это случилось.

Далеко к западу от русских жило славянское же племя моравы. Князь их в то время, как Рюрик сел княжить в Новгороде, просил греческого императора прислать в Моравскую землю проповедников, которые бы там проповедовали слово Божие на славянском языке. А в то время было два благочестивых брата славянского рода: Кирилл и Мефодий. Они постриглись в монахи, после были оба архиереями, составили славянскую азбуку и перевели на славянский язык Библию, то есть священные книги христианской веры. Оба они были святые. Вот их-то перевод и пригодился греческим архиереям и священникам, которые пришли в Русскую землю с Владимиром. Это только в славянских землях и было, что народ мог и службу Божию слышать, и священные книги читать на своем языке. А во всех землях, где народ крещен проповедниками от папы, служили и читали Евангелие и другие книги на латинском языке, которого народ не понимал.

Сперва архиереи и священники ходили по Киеву и крестили народ. Желающих было много, но были и такие, что не решались креститься. Чтобы прекратить это, великий князь послал оповестить по всему Киеву, чтобы на завтра все некрещенные шли к реке, а кто не пойдет, будет противником князю. Киевляне и стали говорить: «Если бы новая вера не была хороша, князь и бояре не приняли бы ее», и пошли все на другой день к Днепру. Владимир вышел туда же с архиереями и священниками. Народу было великое множество: кто вошел в воду по шею, кто по грудь, младенцы были на руках, дети подле берега; те киевляне, которые уже были крещены, стали теперь крестными отцами, а священники на берегу читали молитвы. Так и крестились киевляне.

И была великая радость. Окрепло Русское государство. Теснее соединились все крещенные племена. Греки научили русских многому полезному. И вообще русские стали лучше. И до крещения много было в них доброго, да много и худого. Например, вражда между родами за чье-нибудь убийство; она не прекращалась, когда и князей позвали, потому что и у варягов она была в обычае. И сами князья мстили, и Владимир за Олега, и Ольга за Игоря. А как приняли веру Христову, то и увидели, какое тяжелое дело убить человека. Сам Господь милосердный так печется о людях, что без воли Его и волос на их голове не погибнет, как же сметь поднять руку на человека?

Владимир так убоился этого, что перестал даже казнить и преступников. Но когда преступления сделались от этого чаще, архиереи растолковали ему, что казнь преступников не убийство, не запрещенное дело, что, напротив, государь должен их судить и наказывать по-прежнему.

Узнал также Владимир слова Божии: «Блаженны милостивые – они будут помилованы; продайте имения ваши и дайте нищим; кто дает нищим, дает взаем Богу», и стал он раздавать щедрое подаяние. Всякий мог приходить на княжеский двор, брать деньги, питье и пищу. Да

еще мало того. Владимир сказал: «Дряхлые и совсем больные прийти на двор ко мне не могут» и посылал по всем концам города телеги с хлебом, мясом, рыбой, овощами, медом в кадках и квасом. Все это раздавали больным и дряхлым нищим, которые не могли ходить.

За свою веру и добрые дела благоверный князь Владимир признан православною церковью святым и равноапостольным.

Чтобы научить народ вере Христовой и всему хорошему, великий князь завел школы в Киеве и других городах, велел у лучших людей отбирать детей и отдавать туда учиться. И вот как иногда люди не понимают добра, которое им делают: матери плакали, когда у них детей для ученья брали.

У славян христианская вера еще и потому была принята скорее против иных народов, что у всех этих народов до христианства были особые люди, которые только и делали, что служили идолам и приносили им жертвы. Их называли жрецами. Все, что идолам приносили, доставалось им: так для них и выгоднее было, чтобы оставалось идолопоклонство.

Но у славян, к счастью, жрецов не было; зато у них были колдуны. Особенно много таких колдунов было у финнов. Колдуны-то и шли против веры Христовой, конечно, тоже потому, что для них язычество было выгоднее. Язычники верили, что колдунов боги любят и открывают им будущее и другие скрытые дела и вещи. Ну а христианин знает, что колдун либо противник Богу, либо чаще всего простой обманщик, так и не поверит никакому колдовству. Вот поэтому колдуны и старались, чтобы вера Христова не распространялась. Один из них в Новгороде так намутил, что когда там Добрыня свергнул Перуна, то новгородцы возмутились. Однако Добрыня их усмирил.

Народ очень любил Владимира и прозвал его Красным Солнышком; это прозвание и осталось за ним навсегда. При нем Русское государство стало могуче и грозно. Пока Святослав воевал в разных землях, а дети его ссорились, разные племена отделились бы от Руси, но Владимир их покорил. Он много своими победами набрал сокровищ, но не жалел их: строил церкви Божии, награждал народ и дружину, каждый большой праздник задавал им пиры. Однажды дружинники стали говорить: «Житье наше горькое, кормит нас князь с деревянных ложек, а не с серебряных!» Владимир услышал, велел вылить серебряные ложки и сказал: «Серебром и золотом дружину не добуду, а с дружиной добуду серебра и золота».

Народу же еще и то было любо, что князь всегда с ним и готов его защищать. Святослав для своей удали совсем покинул Русскую землю, за то и не любили его, а Владимир всегда был готов оборонять свой народ. И немало ему было хлопот в этом. Много тогда водилось на Руси разбойников, особенно в лесах; к ним еще пристали язычники, которые не захотели креститься. Но Владимир ловил и казнил разбойников. В Муроме победил их тамошний уроженец Илья Муромец, о котором в сказках много для красного словца прибавлено.

А всего больше было хлопот князю Владимиру с печенегами. Чтобы сдерживать их набеги, он построил на границе степи, где они жили, города и поселил там самых храбрых людей. Но печенеги все-таки нападали. В летописи вот как говорится об одном из набегов. Владимир вышел против них с войском, а печенежский князь и говорит ему: «Пусть наш воин с твоим поборется: твой победит – не будем воевать три года, а наш победит – три года быть войне». Владимир согласился: стал вызывать бойца, но долго никто не выходил, так что князь стал тужить. Вот приходит к нему старик и говорит: «Князь! У меня пять сыновей; четверо здесь, а пятый дома – его никто не одолеет. Раз я его журил, а он кожу мял, стало ему досадно, он и разорвал ее». Владимир послал за этим молодцем. Захотели испытать его силу, рассердили быка и пустили мимо него, а молодец схватил его рукой за бок и вырвал кожу с мясом. Вот и вышел он против печенега. Печенег увидел его и засмеялся, потому что был сам больше трех аршинов ростом, а русский силач роста среднего. Схватились они; русский сдвинул печенега в руках и ударил о землю, так что и дух вон. Печенеги побежали, а русские стали рубить

их. Владимир обрадовался и построил на этом месте город Переяславль, потому что русский перенял там славу у печенега.

Другой рассказ еще больше похож на сказку. Недалеко от Киева был город Белгород. Владимир его построил и очень любил, так что селили туда народ из иных городов. Однажды печенеги осадили этот город со всех сторон, так что нельзя было доставлять туда ничего съестного, и приходилось белгородцам либо сдаться, либо умереть с голоду. Они собрали вече, то есть сходку, вроде того, как прежде старшины славянские сходились. Только уж теперь на вече были не одни старшины, а все ратные люди. И положили они сдаться печенегам. Но одного старика на вече не было. Как услышал он, что хотят сдаться, то и сказал: «Погодите три дня и сделайте, что я велю». Они послушались. Он велел выкопать два колодца, на верх каждого вставить кадку, в одну налить кисельного раствора, а в другую медовой сыты. Послы печенежские пришли, а белгородцы им говорят: «Вы хотите нас сморить голодом, а у нас пища из земли идет; не верите, так сами посмотрите». Потом достали из кадок раствору киселя и сыты, сварили кисель, поели сами и печенегов угостили, да еще дали им, чтобы они и старшин своих попотчевали. Печенеги поверили, что в городе есть съестное, и отошли от Белгорода.

В последние годы жизни Владимира печенеги не нападали на Русскую землю. Только в эти годы пришлось ему вытерпеть большое горе от сыновей. Он дал им города: Ярославу – Новгород, Изяславу – Полоцк, Борису – Ростов, Глебу – Муром, Святославу – Древлянскую землю, Всеволоду – Владимир, Святополку – город Туров, а Мстиславу – Тмутаракань (так называется остров между двумя рукавами реки Кубани, из которых один впадает в Азовское море, а другой в Черное). Святополк женился на дочери польского короля Болеслава. Болеслав был очень храбрый человек, но только для своих выгод ничего не жалел. Чтобы одному владеть Польшей, он двух своих братьев выгнал оттуда, а двоим родственникам выколол глаза. Болеслав подучил Святополка отделиться от Владимира. Великий князь узнал об этом и посадил его в тюрьму, но после простил. А тут и другой сын Владимира тоже замыслил недоброе дело. Новгородский князь должен был присылать по две тысячи гривен в Киев великокняжеской дружине и вдруг перестал. Владимир разгневался, велел поправить дороги и делать мосты к Новгороду, чтобы наказать непокорного сына, но занемог и умер.

Бояре хотели было скрыть его смерть: им хотелось, чтобы великим князем был Борис, а его тогда не было в Киеве; они ночью выломали пол в сенях княжеского дома, завернули тело усопшего князя в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в церковь Божией Матери. Но вскоре в городе все узнали об этом, бросились в церковь, стали рыдать и плакать.

В 980 году Владимир стал княжить один, в 988-ом принял христианскую веру, а скончался 27 лет спустя после этого.

Глава VI

Дети Владимира

Из двенадцати сыновей Владимира по смерти его осталось семь: Святополк жил в Киеве, потому что недавно был выпущен из тюрьмы и еще не уехал в свой удел, а Борис ходил с войском на печенегов и еще не воротился в Киев. Старше всех был Святополк, но Владимир и народ не хотели, чтобы он был киевским князем. Владимир больше других сыновей любил Бориса. Думают, хотя наверное неизвестно, что только Борис и Глеб были дети греческой царевны Анны, а прочие сыновья Владимира были от жен-язычниц; может быть, поэтому-то Владимир и прочил киевское княжество Борису.

Борис был князь добрый, храбрый, справедливый, потому народ и желал иметь его князем. Для того-то и хотели киевляне скрыть, что умер Владимир, чтобы успел прийти Борис, но это не удалось.

Святополк стал княжить в Киеве, Только боялся он Бориса. Дружина и киевское войско были у него под начальством и очень его любили, так что он мог, пожалуй, и выгнать Святополка из Киева. Поэтому Святополк послал ему сказать, что хочет жить с ним в любви и дружбе и прибавить городов к его уделу. Дружина уговаривала Бориса идти и взять Киев, но он им сказал: «Не подниму руку на старшего брата». Он говорил это не потому, что верил Святополку, а только по своей правоте и доброму сердцу.

Дружина и войско ушли от него, осталось только немного отроков, то есть слуг. Святополк узнал об этом, позвал к себе своего дружинника Путшу и еще троих и спросил, любят ли они его всем сердцем. Они сказали: «Готовы за тебя головы положить». А он им на это: «Так убейте моего брата Бориса».

Взяли они ратных людей, поехали к реке Альте, где был Борис в это время, подъехали к княжескому шатру и услышали, что князь Богу молится. Борис уже знал, что замыслил брат, и теперь за него молился и пел святые псалмы. Путша с товарищами остановился. «Пусть, – говорит, – лучше, когда заснет...» Князь лег; в одном шатре с ним спал его отрок Георгий. Путша с товарищами ворвался в шатер и бросился к князю, Георгий загородил его, но они закололи верного слугу, пронзили копьями и самого Бориса, завернули его тело в полотно и повезли. Князь еще дышал. Святополк узнал об этом и послал двух варягов докончить его. Они ему и вонзили меч в сердце.

Святополк стал думать: «Бориса я убил, как бы убить и Глеба». Но Глеб был далеко, в своем уделе в Муроме. Святополк послал сказать: «Отец очень занемог и хочет тебя видеть». Глеб пошел с малою дружиною к Киеву, по дороге вывихнул себе ногу и поехал на лодке. Новгородский князь прислал ему сказать: «Не езд дальше. Святополк убил брата Бориса, убьет и тебя». Вслед за тем приехали и убийцы, которых подослал Святополк. Глебу служил повар из народа торков, который жил в степях так же, как и печенеги. Этот повар перешел на сторону Святополка и убил князя Глеба. Тело Глеба бросили сперва между двумя колодами, а потом привезли в Вышгород и положили вместе с телом Бориса. Господь прославил их тела нетлением и чудесами. Стали они святыми благоверными князьями, молитвенниками за Русскую землю.

Русские впоследствии всегда обращались к ним в молитвах, в своих горестях и напастях. А Святополка прозвали окаянным – так за ним это прозвище и осталось.

Святослав услышал об убийстве Бориса и Глеба и побежал из Древлянской земли, но по приказу Святополка его догнали и убили. Святополк взял себе уделы Бориса, Глеба и Святослава. Сестра их Предслава послала сказать новгородскому князю, что Святополк хочет и всех братьев перебить.

А в Новгороде в это время вот что делалось. Ярослав, как перестал слушаться отца, послал за варягами, чтобы они его защитили, когда придет Владимир с войском. Варяги пришли и стали в Новгороде своевольничать. Новгородцы не стерпели этого и перебили несколько варягов, а Ярослав позвал к себе этих новгородцев будто в гости, да тоже их перебил. В эту самую пору и пришла ему весть от Предславы. Он испугался, созвал новгородских старшин, заплакал и сказал: «Ах, моя любимая дружина! Убил я тебя, а теперь бы золотом купил. Святополк братьев убил, хочет и меня убить. Кто меня оборонит?» Новгородцы хоть и сердились на князя за убийство своих, однако не выдали его, сказали: «Пойдем за тебя биться и казны дадим». Знали они, что если Ярослав убежит, то Святополк посадит у них наместника, а они любили жить лучше с князем, чем с наместником.

Кроме того, и мерзки показались им дела Святополка. Собрали они войско, дали князю денег для найма варягов; Ярослав нанял их, да вместе с новгородцами и пошел на Святополка. Святополк тоже войско собрал и нанял печенегов. Сошлись оба войска у Днепра и стали друг против друга. Ни те, ни другие через реку не переходили, стояли да поддразнивали друг друга.

Воины Святополка говорили новгородцам: «Эх вы, плотники! Туда же пришли воевать со своим хромым князем». Новгородцы рассердились, говорят князю: «Завтра пойдем на них», а в то же время из войска Святополка один доброхот Ярослава прислал ему сказать, что в ту ночь всего удобнее напасть на Святополка. И точно, Святополк и его войско всю ту ночь пировали.

Новгородцы переехали через реку, лодки оттолкнули от берега, чтобы нельзя было воротиться и пришлось бы либо победить, либо головы положить. Победили они Святополка. Ярослав вошел в Киев, а окаянный убежал к своему тестю Болеславу, польскому королю.

Болеслав собрал большое войско из поляков, нанял еще немцев, варягов и печенегов и пошел на Ярослава. Опять две рати сошлись у реки Буг и стали друг друга поддразнивать. Будый, пестун и воевода Ярослава, стал смеяться над толщиной Болеслава. Болеслав, как услышал это, не вытерпел, бросился на коне в реку и поплыл; дружина за ним, ударили на русских и побили их. Ярослав убежал к варягам. Святополк стал княжить в Киеве, а поляки принялись страшно своевольничать. Святополк придумал перебить их всех и с Болеславом. Но польский король узнал об этом, нагребил все, что мог, и ушел с войском из Русской земли, да еще мимоходом завоевал червенские города, которые прежде Владимир взял у поляков.

Ярослав опять воротился и привез с собой варягов; новгородцы за него стали. Святополк убежал к печенегам и привел их страшное множество. Битва вышла на реке Альте, близ того места, где был убит святой благоверный князь Борис. Сеча была жестокая. Даже до того ожесточились, что схватывались боец с бойцом за руки и рубились; наконец русские одолели. Святополк бежал в пустыню между Чешской и Польской землей и умер там.

А есть и иное предание о его смерти. Был тогда варяжский витязь Эймунд. Так о нем есть такой рассказ. Служил он Ярославу, бился очень храбро, помог одолеть печенегов. Святополк бежал к ним, а потом, слышат, опять набрал у них войско и идет на Киев. Эймунд и сказал Ярославу: «Что же это, у вас и конца не будет. Позволь мне сделать по-моему». Князь отвечал: «Хорошо». Эймунд взял с собою только десять варягов и поехал в степь навстречу печенегам. Нашел он место, в каком они любили останавливаться на ночлег, и спрятался подле этого места в кустах. Точно, печенеги остановились на этом месте, а палатку Святополка разбили подле тех самых кустов, где варяги спрятались; ночью те вышли, убили Святополка, отрубили ему голову и поехали с нею в Киев. Печенеги как увидели мертвого князя, испугались и ушли в степь. А Эймунд привез голову Святополка к Ярославу, думал, что князь наградит его. Но Ярослав сказал: «Как ты смел это сделать? Воротись и похорони тело убитого князя, а без того не смей мне на глаза показаться». Варяги говорили, что это Ярослав сделал нарочно, чтобы не дать им награды, потому что был скуп. Эймунд воротился в степь, похоронил Святополка и уехал от Ярослава служить полоцкому князю.

Владимир дал Рогнеде и сыну ее Изяславу город Полоцк. Когда Рогнеда и Изяслав умерли, у него остался сын Брячислав. Он стал княжить в Полоцке. Из братьев Ярослава были живы двое: Судислав и Мстислав. Судислава посадил за что-то Ярослав в тюрьму, а удел его себе взял. От Мстислава же ему самому плохо пришлось.

Мстислав княжил в Тмутаракани, на острове между Кубанью и двумя морями. Недалеко от этого места есть высокие горы; народы, которые жили тут, назывались ягами, или косогами. С ними-то и стал воевать Мстислав. А князем у них был Редедя, великан ростом. Он и сказал Мстиславу: «Побьемся один на один, одолеешь ты – возьми мое имение и княжество, а я одолею – твое возьму».

Мстислав согласился, схватились они; начал Редедя одолевать, Мстислав помолился: «Пресвятая Богородица! Помоги мне одолеть врага: я построю церковь во имя Твое». И как помолился, то собрался с силами, одолел Редедю, убил его и завладел его княжеством. Исполнил свой обет, построил церковь Божией Матери и прославился очень в том краю. А как услышал о гибели братьев, то и послал сказать Ярославу, чтобы тот отдал ему часть Русской земли до Днепра. По тогдашнему обычаю так и следовало, но Ярослав отказал, собрал большое войско, нанял и варягов. Однако Мстислав победил его, взял земли до Днепра и стал дружно жить с братом. Даже вместе на поляков пошли и отняли у них червенские города. Когда же Мстислав умер, сыновей у него не осталось, и Ярослав завладел всей Русской землей, кроме Полоцка.

Брячиславу полоцкому показалось обидно, что ему дядя не дал ничего из уделов других князей, он напал на Новгород, ограбил его и пошел обратно в Полоцк. Ярослав настиг его, победил и взял в плен, однако помиловал племянника, опять посадил князем в Полоцке и еще прибавил два города. Есть рассказ, в котором объявлено, как это случилось. Ярослав был женат на шведской королеве Индигерде, которую очень любил и уважал. Она поехала к нему с дружиной по лесу. А Эймунд так искусно захватил ее, что дружина и догадаться не могла, куда она девалась. Чтобы выручить жену, Ярослав и помирился с племянником.

Потом Ярослав управился с печенегами. Они подступили было к Киеву, но Ярослав побил их так сильно, что после того они не смели уже нападать на Русскую землю. И сделался он таким же могучим государем, как отец его Владимир, породнился со многими государями, сестру свою отдал за польского короля, одну дочь за короля венгерского, другую за французского, сына Всеволода женил на греческой княжне. А самое лучшее для Руси сделал то, что составил законы. Для народа это очень хорошо. Если писаных законов нет, то судьи как хотят, так и судят; если и неправо что-нибудь сделают, то могут вывернуться, сказать, что не знали, как надо было дело решить; но если есть написанный закон, то и нельзя сказать этого. Законы, которые написал Ярослав, назывались Русской Правдой. В них, главное, говорилось о том, как надобно наказывать убийц и воров и что следует уплатить тем людям, у кого убит кто-нибудь из родных либо что-нибудь украдено. Ярослав так же, как и Владимир, строил церкви, заводил училища. Духовные его любили и в летописях называли мудрым, а народ не столько любил, как Владимира.

Глава VII

Ссоры князей

Ярослав опять разделил Русскую землю между своими сыновьями. Нельзя было иначе сделать, такой уж обычай был. Князя непременно каждого сына наделяли. Да и пускай бы деньгами или каким-нибудь имуществом – так оно и следует, а то они и Русскую землю, как именье, делили. Старшему Киев отдадут, а другим иные юрода. Так и Ярослав сделал. Старший его сын Изяслав стал княжить в Киеве, второй, Святослав, – в Чернигове, третий, Всеволод, – в Переяславле. Ярослав велел старшему сыну любить младших, как детей, поступать с ними справедливо, оборонять и не обижать их. Младшим же сыновьям велел почитать старшего, как отца, слушаться во всем, не выходить из его воли. А в своем княжестве каждый волен был делать, что угодно.

Если случалось, что какой-нибудь князь умирал при жизни отца, не бывши сам князем, то сыновьям его либо совсем не давали уделов, либо давали самые малые. Такие князья назывались изгоями. А так случилось что из этих изгоев многие были очень храбрые – за свою обиду захотели другим отомстить. Один из них, Ростислав, сын старшего сына Ярослава, Владимира, ушел в Тмутаракань, выгнал оттуда сына Святослава, прославился удалью и собрал большую дружину. Греки испугались, как бы он не завоевал их города в Крыму, и подослали к нему херсонского начальника будто бы для переговоров. Ростислав принял его ласково, грек взял чашу, налил полную вином, выпил половину за здоровье князя и подал ему, а сам между тем впустил в нее яд из-под ногтя. Ростислав выпил и умер от этого. После его дети все-таки добились себе уделов.

Другой изгой наделал еще больше хлопот Ярославичам. Это был Всеслав, сын Брячислава, князь полоцкий. Он потому был изгой, что хотя род его шел от старшего из сыновей Владимира святого, но по тогдашнему обычаю он никогда не мог быть великим князем киевским, потому что отец его не княжил в этом городе. Он был такой храбрый, ловкий и хитрый, что его считали колдуном. Всеслав напал на Новгород, ограбил все, что мог, даже колокола и паникадила в церквах взял. Ярославичи пошли на него, полонили, привели в Киев и посадили в тюрьму. В это время подвинулись к Русской земле половцы, такие же грабители, как и печенеги; Ярославичи вышли против них, но половцы победили князей и стали грабить Русскую землю. Киевляне просили Изяслава, чтобы он их снова повел на половцев, но Изяслав не согласился. Киевляне рассердились на него, освободили Всеслава и сделали его своим князем. Изяслав убежал к своему родственнику, польскому королю, и с его помощью опять овладел Киевом, а Всеслав ушел в свою Полоцкую землю. Изяслав сперва его выгнал оттуда; когда же Всеслав снова захватил Полоцк, то Изяслав стал с ним переговариваться; но Святослав черниговский обиделся этим: показалось ему, что великий князь с Всеславом против него что-нибудь недоброе замышляют; вот он и подговорил Всеволода переяславского, напали они на Изяслава и выгнали из Киева. Святослав стал там княжить, а Изяслав убежал сперва в Польшу, потом в Немецкую землю к императору, потом к папе, везде просил помощи, но нигде не получил. Когда же Святослав умер, то Всеволод опять уступил Изяславу великое княжество Киевское. Но тут они обидели детей Святослава, не дали им уделов. Олег Святославович напал на них. Изяслав и Всеволод победили, но в битве Изяслава убили, и стал великим князем Всеволод.

От этих смут народу больше всего доставалось. Даже и то для народа тяжело было, что иной раз без войны князья менялись уделами. Известное дело: князь, который знал, что недолго будет владеть каким-нибудь городом, не очень о нем и заботился. Но какая же беда была для народа, когда у князей поднималась усобица! Тогда во время войны не столько сражались, сколько грабили. Придут к городу, города-то иной раз не возьмут, а села и пригороды

пожгут, народ перебыют либо в полон заберут. А были и такие князья, что нанимали себе на помощь половцев. Эти разбойники шли с их войсками и грабили все что попало.

Был один князь, которого любили все русские, да и нельзя было не любить. Это Владимир, сын Всеволода, по прозванию Мономах. Когда отец его был великим князем, Мономах всех больше оборонял Русскую землю, двенадцать раз побил половцев, не любил отдыхать и нежиться, всегда был готов встретить неприятеля, больше провел ночей в поле, чем дома. Другие князья иногда из-за пустого ссорились, а Мономах только тогда воевал, если Русской земле был урон, свою же обиду всегда был готов простить, только бы не проливать христианской крови. И всем он был лучше их, не предавался никакому невоздержанию, свято хранил клятвы, любил дружину и народ. Когда Всеволод умер, то киевляне хотели Мономаха посадить у себя великим князем, но он сказал, что это будет неправильно, потому что сын Изяслава Святополк старше его. Киевляне, делать нечего, согласились. И стал у них княжить Святополк второй.

Святополк не походил на Владимира. Случился недостаток в соли. Незадолго перед этим святые Антоний и Феодосий основали Киево-Печерскую лавру, или монастырь. Монахи этой лавры накупили соли и стали продавать ее как можно дешевле, чтобы народу помочь. А Святополк запретил это, сам скупил соль и стал продавать дорогою ценою.

Бояр, которые побогаче, тоже он часто грабил, так, без всякого повода. Даже с родным своим князем он сделал страшное дело. Были в то время два князя изгоя: Василько, сын Ростислава, и Давид Игоревич. Княжили они по соседству. Василько очень прославился своими победами над поляками и задумал сделать на них еще поход, после покорить дунайских болгар, а потом напасть на половцев. К удалому князю тогда отовсюду сходились удалыцы; так и Василько, хотя владел небольшим уделом, но собрал храбрую дружину. Бояре Давида стали ему говорить, что Василько уговорился с Владимиром Мономахом напасть на Святополка и Давида и завладеть – Мономаху Киевом, а Васильку – городом Владимиром, уделом Давида. Давид поверил, приехал в Киев и пересказал все Святополку. Поверил и Святополк, хотя знал на опыте, какой правдивый человек Мономах. Послал великий князь сказать Васильку, который приехал тогда в Киев Богу молиться, чтобы он остался попировать на именинах у великого князя. Василько отвечал, что пора ему к своему войску, которое уже выступает в поход. Давид тогда сказал Святополку: «Видишь, он уже и теперь тебя не слушается». Святополк просил Василька хоть заехать к нему. Василько приехал. Святополк стал его уговаривать остаться на именины, а Давид сидел, как немой. Потом оба они вышли. Василька схватили, и Святополк выдал его Давиду, чтобы сделать, что тот захочет. Увезли Василька из Киева в Белгород, ввели в избу и посадили; увидел он, что овчар Святополка точит нож, и догадался, какое злое дело хотят с ним сделать. Вошли два конюха и бросились на него. Он, однако, так сильно оборонялся, что они не могли с ним сладить; позвали еще людей, одолели князя, повалили на пол, прижали доской ему грудь так сильно, что она затрещала, и вырезали ножом глаза. Потом повезли его дальше. Одна добрая женщина переменила на нем кровавую рубашку. Он опомнился, ощупал себя и сказал: «Зачем сняли с меня эту рубашку: я в ней бы встал и на Страшный суд перед Господом Богом».

Мономах, когда услышал об этом, заплакал и сказал: «Такого зла никогда не было на Русской земле!» Другие князья тоже опечалились, прогневались на Святополка и Давида и под начальством Мономаха пошли на них. Святополк хотел бежать из Киева, но киевляне не пустили его, послали к Мономаху мачеху его, жену князя Всеволода, и митрополита Николая сказать: «Если станете воевать друг с другом, то поганые возьмут Русскую землю; отцы ваши обороняли и другие земли добывали, а вы хотите ее сгубить». Владимир умилился, простил Святополка, и только было решено, что киевский князь накажет Давида Игоревича, но Святополк и того не сумел сделать. Только казнили бояр, сговоривших Василька, а самому Давиду вместо Владимира дали другой удел.

Хотя Святополк был великим князем, но его гораздо меньше почитали и слушались, чем Мономаха. Вздумал было он посадить в Новгороде своего сына князем вместо сына Мономаха Мстислава, но новгородцы в глаза ему сказали, что не хотят этого и оставили у себя Мстислава Владимировича. Это был храбрый князь. Его было хотел обидеть дядя его и крестный отец Олег Святославич, но Мстислав победил его, а потом помирил со своим отцом.

Пока шли все эти усобицы, половцы страшно грабили Русскую землю, а князья русские поодиночке не могли с ними справиться. Наконец Владимиру Мономаху удалось помирить всех князей, и пошли они на половцев, побили их у Днепра, ниже порогов, убили двадцать ханов; половцы все-таки не унялись. Особенно разбойничал их хан Боняк. Пошли русские князья дальше к ним в степь к реке Дон. И собралось там половцев великое множество. Русские князья сказали: «Помереть нам здесь, станем крепко!» Перецеловались, помолясь Богу, пошли на бой и одолели врагов, но через четыре дня собралось половцев еще больше. Начался лютый бой, точно гром гремел, много падало с обеих сторон. Наконец ударил полк Мономаха, и половцы побежали. Русские взяли множество пленников и всякого скота. Половцы унялись на время, пока жил Мономах. И еще больше полюбил его за это народ. Летописец, не преподобный Нестор, а другой, который описывал этот поход, говорит, что ангел Божий вложил в сердце Мономаха идти на поганых, что ангелы помогли русским в бою, и когда после они спрашивали пленных: «У вас была такая сила: отчего же вы побежали?», то пленные им сказали: «Как нам с вами биться? Другие ездят над вами в светлых бронях и вам помогают».

Когда умер Святополк, то хотя Олег Святославич был старше Мономаха, однако киевляне и слышать не хотели, чтобы у них был великим князем кто-то иной, а не Владимир Всеволодович, и сейчас же послали звать его к себе. Он сперва было не поехал, но в Киеве народ принялся грабить евреев, а потом послали сказать Владимиру: «Если не придешь, много зла будет, и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри ограбят». Тогда Мономах вступил в Киев и стал великим князем.

При нем никто не смел своевольничать. Не только русские князья, но и чужеземные государи почитали его. Греческий император Алексей прислал ему в подарок крест животворящего древа, царский венец, бармы, то есть оплечья, сердоликовую чашу, которая прежде принадлежала римскому кесарю Августу, золотые цепи и другие драгоценности. Эти подарки привез в Русскую землю митрополит Неофит и провозгласил великого князя Владимира царем. В Москве, в палате, которая называется Оружейною, и теперь еще хранятся золотая шапка, или корона, цепь, бармы, держава и скипетр Мономаха. Все это из золота и украшено драгоценными камнями.

Владимир Всеволодович был по матери из греческого царского рода, оттого и греческое прозвище имел – Мономах. По-русски это значит единоборец, то есть тот, кто с врагом один на один бился.

Мономах прибавил к Русской Правде закон о процентах, то есть указал, больше какого процента нельзя брать, когда деньги в заем дают. Перед смертью он написал своим детям очень умное поучение, где наставлял их на всякое добро и приказывал жить в мире и согласии.

Пока был великим князем старший сын Мономаха Мстислав Владимирович, то все шло хорошо. Этот князь так же хорошо управлял, как и отец его. Но после его смерти начались большие смуты. Даже захватил великое княжество Киевское враг Мономаха и его рода – сын Олега черниговского Всеволод, очень хитрый и храбрый князь. Самый храбрый из рода Мономаха, Изяслав, старший сын Мстислава Владимировича, этому не противился, потому что Всеволод Олегович был его тесть и обещал ему Киев после своей смерти. Но Всеволод обманул его и оставил великое княжество брату своему Игорю.

Киевляне очень не любили всех Олеговичей, потому что, хотя и были между ними храбрые князья, но почти все они готовы были на неправду и чаще всех иных князей приводили себе на помощь половцев, которые при этом могли грабить, как хотели. Поэтому киевляне

послали сказать Изяславу Мстиславичу, чтобы он приходил в Киев княжить, а Игоря Олеговича выгнали.

Хорошо, когда в законе именно сказано, кто по кончине государя должен быть его наследником. Ныне в России есть такие законы, а тогда не было. Тогда делался великим князем, по обычаю, старший. А у Изяслава было еще двое детей, старше Игоря: Вячеслав и Юрий. Изяслав Мстиславич пошел с войском к Киеву и послал сказать дяде своему Вячеславу Владимировичу, что посадит его великим князем.

Когда начался бой между Изяславом и Игорем, киевляне перешли к Изяславу, а Игорь попал в плен к нему. Потом киевляне сказали Изяславу, что хотят его князем, а не Вячеслава. Он согласился на это. Вячеслав захотел было распорядиться, как старший, но Изяслав унял его. А у пленного Игоря остался родной брат Святослав, князь Новгорода в Северской земле, и двое двоюродных: Изяслав и Владимир Давидовичи, князья черниговские.

Святослав очень любил брата, непременно хотел освободить его из неволи и сперва просил помощи у черниговских князей, которые только пять дней тому назад поклялись, что будут стоять за Игоря Давидовича. Они обещали помощь, а сами хотели схватить Святослава. Однако это им не удалось, и он нашел себе помощников. Первыми пришли к нему половцы, князья которых были дядями его жены. Потом вместе с ним пошли на Изяслава еще двое сильных князей: дядя Изяслава, князь ростовский и суздальский Юрий Владимирович, и Владимирко, князь галицкий.

Юрий, или Георгий, или Егор, это все одно имя. Удел у князя Юрия был большой, земли много, он ее старался заселить и строил города. Он-то построил Владимир на Клязьме и Москву. На том месте, где стоит Москва, было село боярина Кучки. Князь Юрий Владимирович на него разгневался, казнил его, дочь его отдал за своего сына Андрея; место же, где находится Москва, очень понравилось князю, и он построил тут город. Это было лет за семьсот до нашего времени. Юрий Владимирович соединился со Святославом Олеговичем, братом пленного Игоря.

Владимирко Володарич, племянник ослепленного Василька, был очень хитер, страшный обманщик. Пока роды Мономаха и Олега спорили между собою, он понемногу выгнал князей из ближних его княжеств городов и стал очень силен. Столица его была в Галиче, и потому он назывался галицким.

Галичей два. Тот Галич, где княжил Владимирко, ныне подвластен австрийскому императору. В соседстве с галицким княжеством было королевство венгерское, где король Гейза женился на сестре Изяслава Мстиславича и был с ним в большой дружбе, а Владимирко враждовал против них обоих и потому соединился с Юрием Владимировичем и Святославом Олеговичем.

В Чернигове княжили Изяслав и Владимир Давидовичи и держались то одной стороны, то другой, которая будет выгоднее; даже случалось, что один брат пристанет к великому князю, а другой к его неприятелю. Они сперва обещали помогать Изяславу Мстиславичу, и он пошел с войском соединиться с ними; но они замыслили выдать его неприятелям; он, однако же, узнал об этом вовремя и послал сказать в Киев и Новгород.

Киевляне страшно рассердились на черниговских князей и сделали страшное, худое дело. В Киеве жил в монастыре пленный Игорь Олегович, и сам уже был чернецом. На него-то и бросились киевляне.

Брат Изяслав всячески оборонял его, дал свою одежду, привел в дом к своей матери, но все это не помогло. Киевляне даже прибили брата Изяслава и его бояр, а Игоря схватили, убили без жалости и начали волочить по улице до площади. Изяслав, как узнал об этом, горько заплакал; жаль ему было родственника, да и боялся он, чтобы не подумали, будто по его приказу убит Игорь.

Игоря-то киевляне убили, а Изяслава Мстиславича не защищали, как следует: все говорили, что нельзя им поднять руки на Юрия Владимировича, потому что он сын Мономаха. Сперва, впрочем, Изяслав одолел и опустошил землю Юрия. При этом ему много помогали новгородцы, которые его очень любили, а Юрий их обижал. Изяслав к ним ездил и когда сказал, что приехал защищать их от Юрия, то они ответили: «Ты наш князь, наш Владимир, наш Мстислав! Рады с тобою всюду идти, все пойдем, только духовные останутся Бога молить». Но потом у Изяслава с Юрием и его союзниками вышла битва у Переяславля.

Недалеко от Киева в то время жили кочевые народы берендеи и торки, остатки печенегов. Всех их вместе называли черными клобуками. Они обыкновенно подчинялись киевским князьям. В переяславской битве берендеи были в войске Изяслава и побежали, за ними киевляне, и Изяслав был побежден. Юрий вошел в Киев и хотел выгнать племянника из волынских городов, которые достались Изяславу по наследству от отца. При осаде города Луцка показал большую храбрость Андрей, сын Юрия Владимировича. Он погнал луцких воинов и в числе первых ворвался за ними на мост. Его окружили, одного из его воинов убили, коня его ранили, рогатиной проткнули седло; один немец, бывший в луцком войске, хотел уже проколоть самого князя, но Андрей Юрьевич справился, убил его самого, отбил от других и благополучно воротился к отцу. Владимирко помирил Юрия Владимировича с Изяславом, и стали они княжить: дядя в Киеве, а племянник на Волыни. Но Юрий не выдал ему по уговору добычи, взятой на войне; Изяслав собрал войско и пришел к черным клобукам. Они перешли к нему, а Юрий, проведав об этом, убежал из Киева. Тогда Вячеслав приехал в Киев и хотел там княжить; но киевляне опять прямо сказали Изяславу, что хотят его иметь своим князем, советовали даже убить Вячеслава. Но Изяслав сказал: «Сохрани Господи, дядя мне вместо отца», а потом и Вячеславу сказал: «Батюшка! Видишь, сколько стоит народу против тебя, зло замышляют. Поезжай лучше в Вышгород».

Вячеслав уехал, но потом Изяслав опять его позвал в Киев, и они поклялись на гробах святых Бориса и Глеба, что будут жить друг с другом, как отец с сыном. Вячеслав и дружину свою всю отдал под начальство Изяславу.

Только что Изяслав помирился с Вячеславом, как с одной стороны пришел на него Юрий с Давидовичами, с другой – Владимирко. Изяслав опять уехал на Волынь, а Юрий сел княжить в Киеве. Но он жил невоздержанно, веселился, а делом, судом и расправой мало занимался. Киевляне и черные клобуки невзлюбили его и послали опять звать к себе Изяслава, а венгерский король прислал Изяславу 10 тысяч воинов. Но только Изяслав пошел к Киеву, как узнал, что Владимирко и Андрей Юрьевич идут за ним с большим войском. Стало быть Изяслав мог попасть между двух неприятельских ратей и в случае, если бы его победили, то и спастись ему было бы некуда. Но он не испугался и шел к Киеву, хотя галицкое войско шло за ним следом. Города Киевского княжества с радостью отворили ему ворота, черные клобуки перешли на его сторону, а Юрий еще ничего не знал, все веселился; когда же узнал обо всем, то бросился в лодку и едва успел убежать из Киева. Владимирко в досаде на Юрия пошел в свою землю и дорогой побрал откуп с разных городов. Изяслав опять пригласил к себе в Киев Вячеслава, и стали они жить там, как отец с сыном.

Но Юрий, Святослав Олегович и Владимир Давидович собрали большое войско, наняли множество половцев и подступили к Киеву, а потом, видя храбрую оборону Изяслава, пошли соединиться с Владимирко. Другой Давидович, Изяслав, на этот раз пристал к великому князю. Изяслав Мстиславич, однако, не допустил своих неприятелей соединиться с Владимирком и напал на них. С обеих сторон двое храбрецов князей начали бой. Андрей Юрьевич ворвался в киевское войско, копьё у него было изломано, щит оторван, шлем свалился с головы, конь был ранен в ноздри и стал метаться в разные стороны, но сам князь уцелел. Изяслав Мстиславич тоже изломал копьё, был ранен в руку и замертво упал с коня.

У Юрия в войске много было половцев. Они любили издали напасть, пустить стрелы, да прочь и ускакать; когда же дошло дело до сечи, не выдержали, побежали, за ними и прочее войско Юрия. Киевляне долго гнали их. Когда же воротились, то несколько пеших киевлян увидели, что один раненый привстает. Они бросились к нему. Он сказал им: «Я князь», а они ему на это: «Тебя-то нам и надо!» Думали, что это Олегович либо Юрьевич. Один киевлянин стал рубить его по шлему. Но он им сказал: «Я ваш князь Изяслав!» и снял шлем. Тогда киевляне в большой радости подняли его на руки и запели: «Кирие Элейсон», греческие слова, по-русски значат: «Господи, помилуй!» Потом услышал великий князь, что его союзник Изяслав Давидович очень плачет, и поехал его утешать. И точно, Давидовичу было отчего горевать: родной брат его Владимир Давидович был убит в этой битве.

Венгерский король и великий князь с большой ратью пошли на Владимирка. Он притворился тяжело больным, подкупил венгерских бояр и просил их помирить его с королем. Король и согласился помириться, с тем, чтобы Владимирко отдал Изяславу все города, которые захватил у него, и чтобы всегда ему во всем помогал. Изяслав не верил галицкому князю, но король сказал: «Если он поцелует честный крест и присягнет в этом, а потом нарушит присягу, то Бог накажет его». Владимирко поцеловал крест лежа, показывая, что очень изнемог от ран, а сам совсем и ранен не был. Только что ушли венгерские и киевские войска, Владимирко отказался отдать города, да еще хотел идти войной на Изяслава. Великий князь послал к нему боярина Петра, который видел, как Владимирко, мирясь, целовал крест, и напомнил ему. А Владимирко сказал ему на это: «Вот еще! Что мне этот маленький крестик?»

Петр сказал: «Крест не велик, да сила его велика. Помни, что король говорил. Если поцелуешь его и слова не сдержишь, то жив не останешься». Владимирко отвечал: «Помню, вы тогда наговорились досыта. Поезжай к своему князю».

Когда Петр уезжал, то Владимирко шел к вечерне и насмехался над ним. Петр недалеко отъехал от Галича и остановился ночевать. Гонец прискакал к нему и просил воротиться. Петр воротился и видит: все бояре и слуга князя в черном, а на его княжеском месте сидит его сын Ярослав и горько плачет. Петр стал спрашивать и узнал, что Владимирко, когда стал возвращаться от вечерни, то на том месте, где посмеялся над ним, вдруг сказал: «Что это? Как будто кто ударил меня по плечу», и не мог ногами двигать; его понесли; к вечеру ему стало хуже, а ночью он умер.

Вскоре умер и великий князь. Киевляне и черные клобуки горько его оплакивали, потому что он был князь храбрый, ласковый и правдивый. А после него великим князем стал Юрий, только не долго княжил.

Глава VIII

Ссоры князей (продолжение)

Андрей, сын Юрия Владимировича, был храбрый и разумный князь. Юрий хотел, чтобы сын жил близ Киева, а после смерти отца княжил в этом городе. Но Андрею там не понравилось. Да нечему и полюбиться было. Князья беспрестанно ссорились, нарушали клятвы, призывали половцев на Русскую землю. Бояре и народ, особенно в Киеве и Галиче, своевольничали.

Черные клобуки были немногим лучше половцев, так же за деньги и добычу готовы были служить всякому и всякого оставить, так же падки на грабеж. Часто вместо того чтобы помогать русским против половцев, тайком помогали этим разбойникам.

Андрей по своему уму видел, что эта неурядица не кончится добром для Русской земли, что надо старшему князю быть старшим не только на словах, но и на деле. А можно ли было таким сделаться киевскому князю? Как только он становился великим князем, то прежнюю свою землю отдавал кому-нибудь из родных. Значит, под властью у него и оставались одни киевляне да черные клобуки. А не захотят они его слушаться – что тогда ему делать? Ждать помощи от родных? Да еще захотят ли они помогать и когда-то придут на помощь?

Конечно, если бы можно было вполне положиться на верность киевлян, то князья киевские еще могли бы как-нибудь управляться. Но одни киевляне думали, что у них должен был княжить самый старший князь, а как начались у разных родов споры за старшинство, то где же было народу распознать наверное, кто старший. А другие киевляне того держались, чтобы был хотя и не старший, но лишь хороший князь. Но старшие князья не соглашались на это. Особенно дяди не уступали старшинства племянникам.

В старину на Руси закона о наследстве престола не было. Один князь себе присваивал Киев, другой себе, а киевляне старались в пользу того, кто был для них выгоднее. Это им так понравилось, что они стали противиться новому порядку, который хотел ввести Андрей Юрьевич и при котором им нельзя было бы своевольничать. Поэтому он уехал в бывший удел своего отца. Там были только два старинных города: Ростов и Суздаль. Все прочие были построены Юрием; иные после построил и сам Андрей. Жители новых городов очень любили Юрия и Андрея, своих благодетелей, и не думали о княжеских счетах о старшинстве. Будь Андрей моложе какого-нибудь Олеговича, они все-таки заступились бы за Андрея. Андрею Юрьевичу именно и нужны были такие люди, которые бы за него всегда стояли, потому что он замыслил великое дело – покончить все княжеские счета о старшинстве и заставить всех князей поступать по его воле.

Когда Юрий умер, Андрей Юрьевич взял всю Суздальскую и Ростовскую землю себе, братьям не дал уделов и даже выгнал из их земель. Иначе и нельзя было сделать. Если бы он допустил разделить свое княжество, то не был бы столь силен, чтобы заставить иных князей покориться. Братья сердились на Андрея, бояре тоже озлобились на него за то, что он не позволил им своевольничать и притеснять простых людей. Сердились еще на него жители Ростова и Суздаля за то, что он больше их городов любил Владимир на Клязьме и почти всегда жил в нем. Но Андрей Юрьевич продолжал свое дело.

В соседстве с его княжеством жили болгары. Он победил их и увеличил свою землю. Новгородцев он заставил себя слушаться, хотя они раз и победили его войско. Но Андрей Юрьевич вот чем смирил их. В Новгородском княжестве недоставало своего хлеба, хлеб подвозили туда из его земель. Когда новгородцы не слушались его, Андрей не пропускал к ним хлеба, и они поневоле смирились. На Киев он сперва не обращал внимания; за этот город воевали друг с другом роды Мономаха и Олега. Наконец старшим всех по родовым счетам сделался Андрей Юрьевич. Его и позвали княжить в Киев, но он не поехал туда, а послал княжить брата.

Но явился сильный противник Андрею Юрьевичу – Мстислав Ростиславич Храбрый, племянник Изяслава Мстиславича. Он вместе с братьями одолел войска Андрея. Владимирский князь хотел, однако же, идти с большим войском отплатить за это, но не успел.

Он не спускал своевольтва и притеснений даже родным и казнил Кучковича, брата своей жены. Другой Кучкович, Яким, и зять их Петр задумали извести за это самого князя.

Андрей Юрьевич всегда жил во Владимире или в селе Боголюбове, оттого и прозвали его Боголюбским. Во Владимире он построил соборную церковь Богоматери; в ней были золотые двери и паникадила, серебряный амвон, иконы, осыпанные жемчугом. Андрей Юрьевич приказывал показывать их всякому пришельцу из чужой земли, чтобы иноверцы видели истинное христианство и крестились. И точно, многие крестились.

Был в числе их один яс по имени Анбал. Он в крайней бедности пришел в Киев. Андрей Юрьевич принял его к себе в службу и дал место ключника, чрез что он получил большую силу. Но вместо благодарности он пристал к злодеям, которые замыслили погубить князя. Всех их набралось человек двадцать. В опочивальне Андрея Юрьевича висел меч его, который прежде был у святого князя Бориса. Анбал тихонько украл этот меч, и когда настала ночь, с Якимом, Петром и другими пошел к княжеской опочивальне. Но вдруг им стало страшно. Они спустились в княжеский погреб, напились допьяна и опять пошли к опочивальне. Стали стучать, Андрей спросил: «Кто там?» Они ответили: «Прокопий».

Прокопий был княжеский любимец. Но князь по голосу догадался, что это не Прокопий, и стал искать меч. Между тем злодеи выломали дверь и бросилась на князя. Андрей был очень силен и повалил первого, кто подошел к нему. Они в потемках стали рубить упавшего товарища, но потом напали на князя; он долго отбивался, хотя его со всех сторон рубили мечами, саблями, кололи копьями. «Что я вам сделал? – говорил князь. – Господь вас накажет!» Наконец он упал. Убийцы схватили раненого своего товарища и побежали из опочивальни. Они думали, что князь убит, и дрожали всем телом. Но Андрей поднялся, застонал и пошел из опочивальни. Они услышали стон, воротились и увидели, что его нет в опочивальне. «Пропали мы теперь! Что нам делать?», – стали они говорить друг другу и принялись искать князя. Зажгли свечу. Кровавый след шел из опочивальни; они пошли по нему и увидели князя за лестничным столбом. Петр отсек князю руку, а другие прикончили его. Злодеи ограбили все имение князя и стали набирать дружину. Они боялись, что владимирцы нападут на них, и послали сказать им: «Если собираетесь на нас, так мы готовы, а князя убили не мы одни, и между вами есть наши соучастники». Владимирцы сказали: «Кто с вами заодно, пусть с вами и останется, а нам не надобен».

Убийцы выбросили тело князя на огород. Туда пришел его верный слуга Кузьма-киевлянин и стал его оплакивать. Подошел туда и Анбал. Кузьма сказал ему: «Дай хоть ковер покрыть нашего господина». Анбал ему на это: «Ступай прочь, мы хотим бросить его собакам». Тут Кузьма закричал: «Собакам бросить! Ах ты еретик! В каком ты платье пришел сюда? Теперь стоишь в бархате, а князь нагой лежит. Честью прошу, дай ковер». Анбал выдал ковер; Кузьма обернул тело князя и понес в церковь. Но и в церковь не пустили его, а сказали: «Брось в притворе». Так в притворе и пролежало двое суток тело Андрея Юрьевича. На третий уж день положили его в церкви, а на шестой владимирцы прислали за ним духовных, перенесли тело его во Владимир и похоронили в соборе. Там и теперь почивают святые нетленные мощи его, потому что благоверный князь Андрей – святой.

Великим князем владимирским сделался Всеволод III Юрьевич, брат Андрея. Он был такой же умный князь, как Андрей Юрьевич, и тоже хотел один быть властителем в Русской земле.

Были в то время другие хорошие князья; особенно прославился князь Роман Мстиславич Волынский, внук Изяслава Мстиславича. В Галиче после клятвопреступника Владимирка был князем сын его Ярослав, прозванный Осмомыслом. При нем княжество галицкое стало очень

сильно. Сын Ярослава, Владимир, княжил очень нехорошо; галицкие бояре стали подзывать Романа Мстиславича. Владимир забрал много золота и серебра и убежал к венграм. Венгерский король Бела согласился ему помогать, выгнал из Галича Романа, но не отдал княжества и Владимиру, а присвоил себе и посадил Владимира в заточенье в башню. Владимир там подкупил двух сторожей, изрезал полотно, какое у него было, свил из него веревку, спустился из окна и ушел вместе со сторожами в Немецкую землю. Немецкий император велел польскому королю помочь Владимиру, и точно, с помощью поляков этот князь взял Галич. Однако после его смерти Роман взял себе Галич и стал очень силен.

На волынское княжество тогда часто нападал народ литовцы. Но Роман укротил их, даже часть их покорила своей власти и насильно заставил пахать землю. Говорят, он запрягал в соху и заставлял орать (пахать), и оттого сложилась пословица: «Роман, Роман, худо ты живешь, литвою орешь». Трудно ему было княжить, много он воевал и с другими русскими князьями, и с поляками, и с венграми. В одной войне с поляками их послы приехали к нему и уговорились о мире. Роман понадеялся на это и поехал с малою дружиною на охоту, а поляки из засады напали на него и убили.

В Киеве много князей переменялось, а город стал приходить в упадок. Его не раз брали приступом разные князья, а в войске их при этом были половцы, которые страшно грабили.

Другие князья мешали суздальским князьям в их делах и защищали старинный обычай, от которого все зло выходило. Оборонял его Мстислав Храбрый, а еще больше сын его Мстислав Удалой. Он заслужил свое прозвище. Только мало пользы выходило из его удали. Сперва он владел маленьким городом Торопцом; но его позвали княжить к себе новгородцы. Всеволод Юрьевич не хотел этого, но Мстислав не уступил, пошел против него с войском, и Всеволод с ним помирился.

Вскоре после этого Всеволод, видя свою старость, стал раздавать уделы своим сыновьям; старшему, Константину, дал Владимир, второму, Юрию, – Ростов. Но Константин сказал: «Батюшка, если хочешь сделать меня старшим, то дай мне Ростов». Всеволод Юрьевич рассердился на это, призвал архиерея и бояр и за непочтение Константина лишил его старшинства, сделал великим князем Юрия и отдал ему Владимир.

Всеволод был князь очень справедливый, миловал добрых и нещадно казнил злодеев. Когда он умер, Константин восстал на Юрия; Юрий сперва его победил, но Удалой стал помогать Константину.

Мстислав жил дружно с новгородцами, но они в это время очень своевольничали. Если князь им не нравился, то они говорили: «Поезжай от нас куда хочешь», и брали другого. Услыхал Мстислав, что хотят и с ним так же сделать, не стал этого дожидаться и добровольно уехал на юг. Новгородцы позвали к себе княжить Ярослава, брата Юрия Всеволодовича, а Мстислав занялся галицкими делами. Дети Романа Мстиславича были еще малолетними; король венгерский их именем захватил Галицкую землю и посадил туда такого правителя, которого галичане за его дела называли антихристом.

Потом начались в Галиче большие смуты. Один боярин по имени Владислав сделал такое дело, какого до того времени не бывало на Руси: с помощью венгров сам стал княжить, но потом был убит и сильно повредил всему своему роду, потому что за его поступок родных его ни один князь не принимал к себе на службу. Галичане даже до того дошли, что повесили двоих князей.

Венгры, согласясь с поляками, совсем было захватили это княжество, но Мстислав Удалой выгнал их оттуда и выдал свою дочь Анну за сына Романова Даниила, князя еще очень молодого, но храброго и умного. Однако венгры с поляками опять его выгнали из Галича, а в Новгороде между тем приключилась великая беда. Ярослав Всеволодович прогневался на новгородцев, уехал из Новгорода и захватил себе город Торжок. Осенью мороз побил весь хлеб в Новгородской области, а Ярослав не велел туда пропускать ни одного воза с хлебом из низо-

вой земли. И начался в Новгороде страшный голод; бедные люди ели сосновую кору, липовый лист, мох, отдавали детей в рабство, трупы не успевали хоронить: они повсюду валялись, и собаки их съедали. Новгородцы просили Ярослава помиловать их, а он даже не дал им ответа. Тогда Мстислав приехал в Новгород. Поцеловал он крест с новгородцами – не расставаться ни на жизнь, ни на смерть.

Удалой с малою дружиною пошел на Ярослава. Юрий стал защищать брата, а Константин взял сторону Удалого. Сошлись на реке Липице. У Юрия и Ярослава было гораздо больше войска, чем у их неприятелей. Удалой просил мира, а они и слышать не хотели, даже говорили своим воинам: «Когда достанется вам их обоз, то вам все именье, а кто вздумает взять живого человека, тот будет сам убит; не оставим ни одного живого человека, кто из них побежит и пропадет, таких вешать или распинать». Как только сошлись оба войска, новгородцы слезли с коней, побросали с себя сапоги и бегом бросились на суздальцев. Мстислав трижды проехал по вражьи полкам и рубил топором направо и налево. Суздальцы падали, как колосья на жатве, и побежали. Летописец говорит, что в этой битве у Мстислава всего убито 6 человек, а у неприятелей 9 тысяч. После этого Константин взял Владимир, а Юрий стал княжить в маленьком городке на Волге.

Одолев суздальцев, Мстислав оставил Новгород и пошел на Галич с нанятым войском. Венграми и поляками, которые занимали Галич, начальствовал воевода Филя. Когда ему сказали о русском войске, он ответил: «Один котел много горшков побивает». Однако Мстислав одолел его, взял в плен и покори Галич. Между тем Константин умер, и в Ростове с Владимиром опять стал княжить Юрий, в Новгороде – Ярослав. А в Галиче Мстислав обручил свою дочь с венгерским королевичем и обещал ему Галицкое княжество, хотя законным наследником Галича был Даниил Романович. Сам Мстислав говорил ему: «Согрешил я, что не дал тебе Галича, ну да еще, Бог даст, поправим дело и отнимем его у венгров». Но Мстислав не успел поправить этого дела. Ему помешало нашествие татар.

Несмотря на княжеские усобицы, Русская земля перед нашествием татар стала гораздо богаче, чем была тогда, когда славяне и финны призывали Рюрика. Народ уже повсюду занимался хлебопашеством. Было уже в ней до ста городов. Особенно торговлей прославился Новгород. Новгородцы более всего торговали мехами.

От этого времени остались песни и сказки, особенно о богатырях Владимира. Осталось еще сочинение, которое называется «Слово о полку Игореве», в котором описывается поход северского князя Игоря против половцев. Кроме св. Нестора и Владимира, некоторые другие лица писали летописи, поучения, описывали путешествия в Святую Землю. Лучшие поучения в это время писал Кирилл, епископ туровский.

Глава IX

Нашествие татар

На восток от Волги идут степи на многие тысячи верст, и по этим степям в старину кочевали, да и ныне кочуют, разные народы. В числе этих народов были татары и монголы. Соседние народы ничего о них не знали, пока не сделался монгольским ханом, то есть начальником, Темучин. Он был человек очень храбрый и свирепый. Вздумали было монгольские племена против него возмутиться, так он их покорил, взял много пленных и велел их сварить в семидесяти котлах.

Татары и монголы были очень люты, любили мучить своих врагов и вообще не считали грехом сделать всякое зло людям иного племени, хотя к своим соотечественникам были очень милостивы. Ссоры и тяжбы между ними случались очень редко. Всего больше они любили войну и с малолетства привыкали отлично ездить верхом. Когда бились, то обыкновенно старались завести неприятеля в засаду и оттого часто побеждали своих врагов. Обмануть неприятеля, хотя бы даже ложной клятвой, считали они умным делом.

Когда Темучин покорил всех монгольских и татарских начальников, то пришел к нему какой-то пустынный, назвал себя пророком и сказал, что Бог отдаст Темучину всю землю, и поэтому он должен вперед называться Чингисханом, то есть великим ханом. Так и называли его с того времени.

И точно: задумал он покорить весь свет. Прежде всего пошел на китайцев. Китайцы еще до Рождества Христова были очень образованным народом, но возгордились, стали думать, что им ничего не надо перенимать у других народов. Что же вышло? Другие-то народы придумали много хорошего, а китайцы не знали этого и теперь не знают. Народ они самый многочисленный, а другие малолюдные народы их то и дело побеждают. Чтобы лучше обороняться от кочевых народов, китайцы построили между их землей и своей стеной на несколько тысяч верст в длину, но и тем не оборонились. Кочевые народы один за другим покоряли Китай. Так и монголы тоже их покорили. К западу от Монголии, ближе к Руси, было тогда великое царство бухарское. Чингисхан его покорил и послал двух своих вождей, Джебе и Субетей, завоевать нынешние кавказские земли. Но когда они там воевали, в одном ущелье окружили их тамошние жители, ясы и половцы. Татары увидели, что им не сладить с теми и другими, и сказали половцам: «Мы с вами одного племени, а ясы и нам, и вам враги. Зачем вы им помогаете?» Половцы послушались их, ушли из ущелья; татары победили ясов, а потом напали на самих половцев. Половцы побежали от них в Русскую землю.

Князья до того привыкли к половцам, что даже роднились с ними, чтобы при случае иметь от них помощь. Так и Мстислав Удалой был женат на дочери половецкого хана Котяна. Ну как же не заступиться за родственника? А прочие южные князья во всем слушались Удалого. Они сказали: «Если не заступимся за половцев, то они поддадутся татарам и станут еще сильнее, а лучше пойдем навстречу татарам, не дожидаясь, когда они войдут в нашу землю». И пошли на них три Мстислава: князь галицкий, то есть Удалой, князь киевский и черниговский Даниил Романович и много других князей. Татары прислали десять послов к русским и сказали: «Мы на вас не приходили, а пришли на холопов и конюхов наших – половцев; они и вам много зла наделали; так бейте их с другой стороны, пока мы будем бить с одной». Но князья велели убить этих послов.

Пришли к ним другие татарские послы и сказали: «Пусть нас Бог рассудит». Сперва, впрочем, дела хорошо пошли. Удалой побил передовое татарское войско и взял много скота в добычу. Потом пришло русское войско на реку Калку. Там Удалой поссорился с двумя другими Мстиславами и, не сказав им ни слова, придумал с молодыми князьями напасть на татар.

Даниил Романович первый налетел на татар, был ранен, сгоряча не почувствовал этого и погнал татар. Но половцы, всегдашние трусы, и на этот раз не выдержали нападения татар, бросились в испуге на войска двух Мстиславов и смешали их. Тогда татары повсюду одолели.

Удалой и Даниил едва успели убежать. Мстислав киевский с двумя другими князьями остался с войском, где стоял; огородились кольями и три дня отбивались от татар. С татарами были разные русские беглецы, которые назывались бродниками. Их начальник поклялся русским князьям, что если они сдадутся, то татары не убьют их, а отпустят за выкуп. Они поварились, но, когда сдались, татары повалили их на землю, положили на них доски, сами сели на эти доски и стали обедать – так и задавили князей. Потом пошли татары к Русской земле. Народ, чтобы их умиловить, выходил к ним с хлебом-солью, духовенство с крестами и хоругвями, а они всех убивали без пощады и все грабили. Однако они на этот раз недалеко зашли в Русскую землю, воротились в свои степи.

Это называется нашествием татар. Битва при Калке была в 1224 году от Рождества Христова, а в течение 14 лет после этого татары не приходили на Русскую землю, так что русские даже дивились, а летописцы писали, что приходил это Божьим попущением народ неведомый, никто не знает, кто они, откуда пришли и куда девались. Иные даже придумали о них такую басню, будто татары – народ, который Геден, судья израильский, загнал в пустыню и который перед концом мира выйдет оттуда и поплечет все земли.

Когда Чингисхан умер, его сын и наследник послал своего племянника, Батю, внука Чингисхана, воевать в разные земли и дал ему шестьсот тысяч войска. На беду в России в это время было 70 князей, и они беспрестанно ссорились между собою.

Самые сильные из них были Юрий Всеволодович суздальский и владимирский, брат его Ярослав новгородский и Даниил Романович, который успел выгнать венгров из Галича и завладел этим княжеством.

Батю прежде всего пришел в Рязанскую землю и послал сказать тамошним князьям: «Если хотите мира, то отдайте нам десятую часть своего имущества». Князья отвечали: «Когда никого из нас живых не останется, тогда все возьмете». Они попросили помощи у Юрия Всеволодовича, но владимирские князья издавна были не в ладах с рязанскими, и Юрий Всеволодович, надеясь на свою силу, думал, что и один без рязанских князей справится с татарами. Поэтому он отказал им в помощи.

Князья рязанские, коломенские, муромские и пронские вышли против Батю, но где было им устоять против такого войска! Почти все они были перебиты, и Батю осадил Рязань. Пять дней простоял он под городом; рязанцы бились отчаянно, но сила одолела. Татары ворвались в город. Рязанцы в храмах Божьих затворили своих жен, детей и лучшее из имущества. Но татары ворвались и туда, делали всякие бесчинства, оскверняли храмы, убивали и священников, и младенцев. Весь город превратили они в пепел. То же было и с другими городами. Потом они пошли к Владимиру.

Покаялся владимирский князь, что не помог рязанским, да уж поздно было. Батю победил сына Юрьева и сжег Москву. Тогда-то увидел Георгий, какая страшная беда ему грозит. Он оставил двух сыновей оборонять Владимир, а сам пошел к реке и стал собирать там войско. Татары подступили к Владимиру. Князья приняли Святых Тайн, посхимились и стали биться.

Схимниками называются монахи, которые дают Богу еще особые, самые строгие обеты отречься от всего земного. Как ни храбро бились владимирцы, не могли одолеть татар, и татары вломились в город. Жена Георгия, сноха его, духовные, женщины и дети затворились в соборной церкви. Татары зажгли ее, и все, кто был там, одни задохлись от дыма, другие погибли от врагов. С городом они сделали то же, что и с Рязанью. Когда Юрию донесли, что его стольный город разрушен, супруга и дети погибли, то он воскликнул: «Господи, пошли мне терпение Иова!» Скоро и на него напал Батю. Храбро бился Георгий и пал с оружием в руках.

Племянник его Василько попал в плен к татарам. Они сказали ему: «Будь нашим другом и воюй под знаменами Батыя». Он ответил им: «Не подружусь я с врагами Христа и Руси. Ваше темное царство погибнет, когда исполнится мера ваших злодейств». Татары в ярости убили его и пошли к Новгороду. Ростовский архиепиеp поехал к реке, где была битва Георгия с татарами, и в числе мертвых узнал его по княжескому одеянию. Но голова его была отделена от туловища и найдена уже после. Нетленные святые мощи его почивают ныне во Владимире.

Много еще взяли татары русских городов и сел, головы русских падали, как трава скошенная. Леса и болота спасли Новгород. Батый не пошел к нему, своротил с новгородской дороги и осадил город Козельск.

Князь в Козельске по имени Василий был еще младенцем. Дружина и народ стали советовать, что делать, и сказали друг другу: «Братья! Умрем, чтобы на земле оставить добрую славу, а на небе получить венцы бессмертия!» И бились они семь недель.

Ни одного города не было так трудно взять татарам. Наконец они разбили стены городские, но горожане принялись с ними резаться на ножах, вышли из города, бросились на все войско Батыево, изрубили снаряды, которыми татары ломали стены, и побии четыре тысячи неприятелей, и потом сами были убиты. Хан велел перебить всех в городе до единого, даже младенцев, и назвал Козельск злым. Князь Василий пропал без вести. Говорили, что он утонул в крови.

Ярослав не успел помочь брату. У Даниила не было столько силы, чтобы идти на татар. На следующий год они сами пошли на него. Он не мог защищать Киева; уехал в Венгрию, а в Киеве оставил воеводу Дмитрия. Татары увидели Киев и не могли им налюбоваться. Он раскинулся на крутом берегу реки; высокая белая стена с воротами и башнями окружала его; дома словно прятались в садах; над всем блистали главы храмов Божиих.

Татары потребовали покорности, киевляне убили их послов. Дмитрий спросил у одного пленника, как велика сила Батыева. Пленник отвечал ему, что ей нет счета. Но Дмитрий не испугался. Татары стали днем и ночью разбивать стены. Начался ужасный бой; стрелы омрачали воздух, копья трещали и ломались, мертвых, умирающих попирали ногами. К вечеру татары овладели стеной, русские отошли к десятинной церкви, огородили ее тыном, безоружные с имуществом заперлись в церкви. Дмитрий, исходя кровью от ран, не оставлял битвы. Наконец и тут одолели татары, перебили киевлян, взяли в плен Дмитрия и привели к Батю. Батый не только не убил его, но еще стал оказывать милости и просил советов. После этого татары взяли Владимир, Галич и другие города. Тогда Дмитрий сказал Батю: «Тебе на Руси все покорно, поди лучше в Венгрию, а то венгерский король нападет на тебя». Батый послушался его. Так Дмитрий и в неволе послужил Русской земле.

Глава X

Мученики в Орде. – Даниил. – Рыцари и литовцы

После смерти Юрия Всеволодовича старшим князем стал брат его Ярослав.

Достались ему владимирское и суздальское княжества. Много русских погибло, другие попали в неволю, только малая часть спаслась в лесах и в городах; на дорогах, на улице, в обгорелых церквях и домах – везде лежали трупы. Ярослав велел поскорее их похоронить, чтобы не сделалась зараза. Народ принялся селиться на прежних пепелищах и понемногу отдыхать от тяжелой беды.

Батый построил на Волге город Сарай и стал в нем жить. Орда его прозвалась Сарайскою, или Золотою.

Русская земля стала им подвластна. Русские князья должны были ездить в Орду, кланяться ханам и просить у них грамоты на княжество. Эти грамоты назывались ярлыками. Если князь начинал княжить без такого ярлыка, то мог всегда опасаться, что татары его выгонят, а землю его разорят.

А чего только не натерпелись наши князья в Орде! Мало того что приходилось им становиться на колени перед ханами, бить им челом, да еще заставляли русских поклоняться идолам. В то время татары были еще не магометанской веры, а языческой. Поехал туда по приказу ханскому черниговский князь Михаил. Собираясь в этот страшный путь, он причастился Святых Тайн. Когда приехал и хотел войти в шатер Батыев, то волхвы татарские сказали, чтобы он шел между кострами огня, который они почитали священным, и поклонялся их идолам. Михаил отвечал: «Я могу поклониться вашему хану, потому что Господь поручил ему судьбу царств земных, но христианин не служит ни огню, ни глухим идолам».

Батый услышал об этом и велел сказать Михаилу, что если он не послушается, то будет убит. Михаил сказал: «Пусть будет так». Причастился запасными дарами вместе со своим любимцем боярином Федором, и когда другие бояре со слезами уговаривали его покориться, даже говорили, что возьмут его грех на себя, он отвечал: «Для вас не погублю души». Снял с себя княжескую одежду и сказал: «Возьмите славу мира – хочу небесной».

Татары бросились на него, били в сердце, топтали ногами; Федор утешал своего князя, говоря, что он умирает, как надо христианину, что недолго он помучится на земле, а на небесах будет вечно блаженствовать. Наконец татары отрубили Михаилу голову и разорвали Федора на части. Они бросили тела их на съедение собакам, но русские похоронили их тела и уехали в Русскую землю. Михаил с Федором причислены к лику святых мучеников.

Были и другие русские князья, которые погибли в Орде мучениками за веру Христову.

Татары переписали всех поголовно, кроме духовных, и назначили с каждого человека подать, да и отдали собирать эти подати на откуп хивинским купцам, а иногда присылали к ним своих послов, которые назывались баскаками. Вот придет такой баскак или сборщик в русский город или деревню, с ним множество татар, и начнут собирать подать. Если же кто не заплатит – таких ставили на правеж. А какие были муки на этом правеже, страшно и вымолвить. Татары думали, что когда они станут мучить человека, то кто-нибудь над ним сжалится и за него заплатит. Да и кроме податей, татары отнимали у всякого русского, все, что им нравилось, даже схватывали и брали себе русских женщин и девиц.

Иной раз народ ожесточался, бил баскаков и сборщиков, но от этого выходило еще хуже, потому что тогда целое войско татарское приходило отомстить за убитых, и опять начинались такие же злодейства, какие делало Батыево войско.

Даниил Романович сделался самым сильным князем в Южной Руси. Там все прочие князья его слушались. А литву и ятвягов он часто побивал. Однако и он должен был ехать в Орду.

Там его приняли лучше, чем иных русских князей. Батый допустил его к себе, не проводя между огнями и не заставляя поклоняться идолам, даже велел подать ему кубок вина, а это был большой почет. Возвратясь из Орды, Даниил стал еще сильнее, и захотелось ему освободиться от татар. Батый после Русской земли опустошил Венгрию и Польшу. Поэтому о татарах уже знали в Германии, во Франции и в Италии, где живет папа, глава католического духовенства. Во всех этих землях очень боялись нашествия татар, и папа отправил к ним посла. Этому послу было еще поручено другое дело.

В первое время христианства в Италии также истинно держались всех правил веры Христовой, как и в Греции, и многие римские папы были благочестивые святые люди. Христианским духовенством начальствовали пять вселенских патриархов: иерусалимский, антиохийский, александрийский, константинопольский и римский. Последний-то и есть папа. Четыре патриарха так и остались архиереями с одной духовною властью, а римский папа сделался государем, стал владеть городом Римом и целой областью в Италии.

Мало того, что папа сделался государем, он еще стал повелевать государям в немецкой, французской, итальянской и других землях. А если кто-то из государей не слушался, то папа и все его государство отлучал от церкви, и тогда вот что в этом государстве делалось: в церквях переставали служить, снимали колокола, свадьбы венчали на кладбищах и мертвых погребали у дорог. Вся земля считалась под церковным проклятием, пока государь не покорится. Так поэтому и случалось, что государи по три дня босиком стояли да прощения у папы выпрашивали.

Папы стали требовать, чтобы другие патриархи им подчинялись; но другие патриархи, считая себя им равными, на это не соглашались. Вот отчего и разделились церкви: одна восточная, православная, греческая, другая папская, западная, ее же называют католическою. Русские тоже православной восточной церкви, но папам хотелось подчинить и их своей власти.

Вот посол папский, который ездил к татарам, завел переговоры с Даниилом и обещал ему большие выгоды, если он подчинит папе Западную Русь. Даниил надеялся, что папа поможет ему избавиться от татар, и потому сделал вид, что слушает папские предложения, хотя на деле хорошо знал, что папа не прав в том, что отделился от вселенских патриархов. Папа очень ласково писал к Даниилу, прислал ему королевский венец и велел его венчать королем, но Даниил сказал, что ему нужно не почестей его, а войска. Войска-то ему папа не прислал; тогда Даниил не стал и слушать предложений о соединении церквей, а задумал иное средство избавиться от татар. Уговорился он с королями польским и венгерским и великим князем литовским, что они помогут ему против татар, и перестал платить татарам дань. Татарское войско пришло на него, венгры и поляки не явились на помощь, а литовцы еще напали на русских. Тогда Даниил увидел, что делать нечего, невозможно ему одному сладить с татарами, покорился, стал платить им дань и с этой поры против них не восставал. Но они в его княжестве так не своевольничали, как в других, опасаясь, что Даниил может напасть на них.

Кроме татар, было много сильных врагов у русских. Помните, когда я вам говорила о варягах, то сказала, что они жили от русских за морем, которое тогда называлось Варяжским, а теперь Балтийским. По сю сторону этого моря жили чудь, ливы, эсты. Народ очень бедный, веры языческой. Немцы стали приезжать к ним из-за моря и обращать их в католическую веру, но мало их обращалось. Даже опасно было немцам-монахам жить с ними. Раз случилось солнечное затмение. Это ведь бывает и ныне, хоть не часто: солнце днем скрывается, и делается темно. А ливы сказали, что немецкий монах съел солнце, и хотели его за это убить; насилу он спасся. Немецкие монахи придумали завести в Ливонской земле крепости и оттуда крестить ливов. Тогда в Германии, Франции и других землях были рыцари. Рыцарями называли самых знатных и сильных воинов. Некоторые рыцари давали такие же обеты, как монахи, но, кроме того, еще обещали сражаться за веру Христову с неверными и защищать слабых и угнетенных. Вот такие рыцари и составляли общество, которое называлось орденом, а начальник его

– магистром. Сильный орден немецких рыцарей поселился в Прусской земле и покорил ее. Другой орден ливонских рыцарей, или меченосцев, завладел Ливонской землей, и они стали тамошних жителей обращать в христианство. Только обращать – не то, чтобы они уговаривали их креститься или старались хорошенько растолковать им, какова вера Христова, – нет, а приходили с оружием, окружали ливов и эстов и заставляли креститься, а окрестив, делали их своими рабами.

Ливы ненавидели рыцарей, они только и думали, как бы избавиться от них да сделаться опять язычниками. Да силы-то у них не хватало для этого. Народ они были бедный, несильный, и оружия-то хорошего у них не было, а рыцари надевали на себя латы, то есть платье стальное, на голову шлем, тоже стальной, лицо закрывали наличником, даже коней накрывали латами. Ну идет такой рыцарь, будто подвижная крепость, и трудно его где-нибудь поранить. Где же было ливам воевать с такими воинами?

Рыцари, когда завоевали Ливонию, стали воевать и с русскими, особенно с полочанами, псковичами и новгородцами. Но всего больше они воевали с литовцами.

Литовцы были язычники и ненавидели рыцарей, а рыцарям хотелось их окрестить, как и ливов. Литовцы победили ливонских рыцарей, убили их магистра, и они, чтобы спастись от гибели, подчинились немецкому ордену. С этого времени они стали гораздо сильнее.

Когда Даниил был королем в Галиче, тогда у литовцев был князь Миндовг, очень храбрый и хитрый. Даниил уговорил поляков и рыцарей напасть на него и покорил почти всю Литовскую землю, но Миндовг одних рыцарей подкупил, а других обманул: обещался принять христианскую веру. Они поверили ему, вышли из Литвы, а он остался язычником и грабил всех соседей больше прежнего. Однако Даниил и храбрый его брат Василько еще несколько раз победили Миндовга. Сын Миндовга Войшелг, был очень лютый государь, но когда окрестился, то вздумал раскаяться, пошел в монастырь, ездил в Иерусалим, на Афонскую гору, даже сам построил монастырь и несколько лет жил в нем. Миндовг хотел отвлечь его от христианства, но не мог ни лаской, ни угрозой. В числе литовских князей, подчиненных Миндовгу, был родственник его Довмонт. Они были женаты на родных сестрах. Жена Миндовга умерла, оставив детей; сестра ее, жена Довмонта, приехала к Миндовгу утешать его, а он сказал ей: «Я не могу жениться на чужой, потому что она невзлюбит детей моих, а женюсь на тебе», да так и сделал. За это Довмонт с другими литовцами убил его.

Войшелг, когда услышал об этом, задрожал от гнева, схватил меч, снял монашескую одежду и поклялся через три года опять ее надеть, когда отомстит тем, кто убил его отца. Потом он приехал в Литву, стал править, ужасно свирепствовал и многих убил. Он всегда носил сверх богатой одежды черную: поэтому его и прозвали волком в овечьей шкуре. Довмонт убежал в Псков, принял православную веру, очень храбро сражался за Псков с рыцарями и литовцами, и псковитяне сделали его своим князем. Войшелг очень любил Даниила, отдал за его сына Шварна свою дочь, и все в Западной Руси любили Даниила, потому что он был государь милосердный, справедливый, умный и храбрый. Вскоре после его смерти сын его, Лев, обманом убил Войшелга; в Литве княжил Шварн, но умер в молодости, и у литовцев опять стали княжить свои князья.

Ярослав, князь владимирский и суздальский, умер еще раньше Даниила. Горьки были последние годы его жизни. Ему несколько раз пришлось ездить в Орду, там кланяться и унижаться. По дороге оттуда он умер.

Глава XI

Александр Невский. – Довмонт

Когда Ярослав Всеволодович поехал княжить во Владимир, то оставил в Новгороде князем сына своего Александра. Он еще был очень молод, но магистр ливонских рыцарей, который с ним имел свидание, удивился его разуму и красоте и сказал: «Я прошел много стран, знаю свет и государей, а видел Александра Новгородского с удивлением».

Новгородцы часто нападали на Финскую землю, которою тогда владели шведы, а финны на новгородцев. Правитель Швеции Биргер пришел с большим войском, чтобы завоевать Новгород, и послал сказать Александру: «Бейся со мной, если смеешь; я уже стою на твоей земле!» Дружина у Александра Ярославича была малая; он со слезами помолился в новгородской Софийской церкви, вышел к дружине и сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Ярослав Всеволодович не успел прислать ему помощи, даже новгородские ратники не все собрались.

Александр пошел к Неве. На ней в то время жили ижоряне. Их начальник Пелгуй был очень усердный христианин. Он рассказал Александру, что ночью близ устья Невы он ждал князя и молился, все было тихо, вдруг он услышал шум, выглянул и видит, что по морю плывет лодка, гребцы покрыты мглюю, но в лодке два витязя в княжеских одеждах, а лица их сияют. Пелгуй стал всматриваться и увидел, что они совершенно похожи на святых благоверных князей Бориса и Глеба, как их пишут на иконах. Старший из них сказал другому: «Поможем нашему сроднику Александру!» Князь не велел Пелгую никому об этом сказывать и бросился на шведов; они смешались. Александр и его дружина выказали великую храбрость. Один новгородец с топором в руке ворвался в середину врагов, рубил их направо и налево, другой изрубил их лодки, третий гнал сына Биргера до самой лодки, упал в воду с конем, но вышел и сразился со шведским воеводой. Несколько смельчаков бросились на целый полк. Сам Александр сразился с Биргером и ранил его в лицо. Шведы не выдержали и побежали. Множество их было убито, в том числе воевода и архиепископ, потому что их архиереи иногда сражались как рыцари. Новгородцев же было очень мало убито. Велика была радость в Новгороде и во всей Руси при вести об этой победе. Тогда было самое тяжелое время татарского погрома; везде горе, беда, поражения. Поэтому все очень любили Александра Ярославича за то, что он утешил их этой победой, а так как она была одержана на берегу Невы, то прозвали его Невским.

Ливонцы взяли город Изборск. В Пскове стали всем распоряжаться их друзья. А новгородцы в то время не стали слушаться Александра, и он уехал от них. Но когда рыцари напали на их землю, то они повинились перед князем и стали опять его звать к себе. Он приехал, собрал войско, выгнал из Пскова рыцарских друзей, отобрал у рыцарей русские города, которыми они завладели, победил их и вошел в их землю. Тогда вели войну не так, как ныне: войско не получало ни жалованья, ни провианта, а всякий кормился тем, что сам промыслит. Русское войско и разошлось за съестными припасами, а рыцари собрались и напали на Александра Ярославича на самом Чудском озере. У них было большое войско, так что они наверняка надеялись победить; один из них даже похвалился взять самого Александра; но Невский побил их наголову, так что 400 рыцарей было убито, а 50 взято в плен. А всех убитых было столько, что тела их лежали на семь верст.

Однако татарам покорялся и Александр Ярославич, да и нельзя было не покориться. Не такое было время, чтобы с ними воевать. Русь ослабела после татарского погрома, потому что большая часть русского народа была перебита, а у татар потери восполнялись новыми выходцами из степей.

К тому же не вся Русская земля была заодно. Даже новгородцы не всегда слушались Александра Ярославича. Когда отец его умер, Батый прислал сказать Александру: «Новгородский князь! Если хочешь владеть спокойно, приезжай ко мне!» Может быть, другой возгордился бы своими победами, не захотел бы поклониться татарам, но Александр думал: лучше вытерпеть унижение, чем погубить Русскую землю. Он с братом Андреем поехал в Сарай. Батый уже слышал о его победах, принял его очень ласково и после свидания с ним сказал, что точно он человек необыкновенный, что справедливо идет о нем такая слава. От Батыя наши князья должны были ехать к главному татарскому хану в степи. Страшная была эта дорога, приходилось иногда терпеть голод и холод, ехать по степи, где не было ни лесов, ни городов, ни селений, а кладбища да кости народов, которые жили там прежде, и странников.

Хан отдал Александру Ярославичу Южную Русь, а Андрею – Владимир. Вскоре после этого папа прислал к Александру своего посла, который сказал, что будто отец Александра, когда был в Орде, обещал принять католическую веру, а потому и Александр должен сделать это. Но отец Александра этого не обещал, и потому Александр отвечал папе: «Мы знаем истинное учение церкви, а вашего не принимаем и знать не хотим».

Брат Невского, Андрей, больше был занят развлечениями, чем делами, и прогневал татар; войско их напало на его землю; он убежал в Швецию, а Александр Ярославич во второй раз поехал в Орду и уговорил хана отозвать из Руси татарское войско. Хан назначил его великим князем владимирским. Александр оставил в Новгороде своего сына, а сам стал княжить во Владимире и употребил все силы, чтобы устроить Русское государство и доставить счастье народу. Но еще ему дважды пришлось съездить в Орду. Батый умер, так Александр должен был поклониться новому хану.

Сборщики податей так стали притеснять русских, что в Суздале, Владимире, Ростове и других городах народ бросился на них, некоторых убил, а других выгнал. Надо было ожидать, что за это придет на Россию татарское войско, но Александр поехал в Орду умилять хана. Так он спас Русь от нового разорения, но сам уже не вернулся во Владимир. Всю зиму и лето хан продержал его в Орде. Александр очень ослабел здоровьем. На обратном пути, недалеко от Нижнего Новгорода, в Городце, болезнь его очень усилилась, он постригся, принял схиму и скончался. Митрополит Кирилл, когда получил об этом известие, то сказал: «Солнце наше закатилось!» Духовные, которые были при этом, сперва не поняли этих слов, но потом, когда митрополит прибавил: «Не стало Александра!», все пришли в ужас. Бояре, духовенство и народ все рыдали и говорили: «Погибаем!» Когда тело Александра привезли во Владимир, то, несмотря на страшный холод, народ вышел к нему навстречу до города Боголюбова; не было человека, который бы не плакал на его похоронах.

Этот митрополит Кирилл, который похоронил святого благоверного князя Александра, был очень умный, ученый и усердный пастырь. Он старался исправить духовенство и народ, узаконил, чтобы в священники избирали только достойных людей и чтобы архиереи ничего с них не брали за посвящение. Много он сделал добра и тем, что мирил князей, когда они ссорились между собою. Сперва ссорились за Новгород брат Невского с сыном его Дмитрием; потом, когда Дмитрий сделался великим князем, брат его Андрей дважды приводил татар на Русскую землю, а они страшно ее разграбили, кроме Твери, которую защитил храбрый князь Михаил Ярославич; во второй раз помогал Андрею татарский воевода Ногай, который не слушался хана Золотой Орды, был его сильнее, породнился с греческим императором и владел в особой Орде, названной по его имени ногайской. По смерти Дмитрия Александровича стал великим князем Андрей. Его все ненавидели.

В это время усилилось московское княжество. Там был Даниил Александрович, князь добрый, справедливый, умный; он даже татарам не всегда давался в обиду. Когда он воевал с рязанским князем, то убил в сражении много татар, а рязанского князя полонил. Сын Дмит-

рия Александровича завещал после своей смерти московскому князю город Переяславль, в то время очень крепкий и богатый.

Почти в одно время с Даниилом Александровичем умер и Довмонт, которого во святом крещении зовут Тимофеем. Он 33 года княжил в Пскове, судил народ право, не давал слабых в обиду, любил помогать бедным. Псковичи с ним не боялись никакого врага. Обыкновенно перед боем он говорил им: «Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Помните отечество и церковь Божию».

Псков не был отечеством Довмонта, но он полюбил этот город, как отечество. Самая главная победа его над рыцарями была при Раковоре. Еще незадолго перед смертью он услужил Пскову. Рыцари неожиданно напали на этот город, завладели предместьями. Рыцари не меньше татар свирепствовали в псковских предместьях, убивали и женщин, и младенцев. Довмонт ударил на них и победил их.

В это время новгородцы воевали со шведами. Множество шведов пришло в Новгородскую землю; в семи верстах от нынешнего Петербурга они построили крепость, которую называли Ландскроною. Это на их языке значит венец земли. С помощью крепости они надеялись завладеть окрестною страной, но новгородцы взяли и сровняли ее с землей. Великий князь помог им в этом: только хорошего и сделал он для Русской земли. Когда он умер, то никто не пожалел о нем.

Во время его войны с Дмитрием и княжения было еще много других бед на Руси: засуха, голод, мор, страшные пожары. Он детей не оставил, и о великом княжестве стали спорить племянник его Юрий Даниилович московский и Михаил тверской. Тверского князя прозвали отечестволюбцем, и он точно стоил этого прозвища, потому что всегда был готов положить свою голову за Русскую землю и всего больше заботился о счастье своих подданных. А Георгий походил на своего дядю Андрея.

Глава XII

Михаил Тверской. – Иоанн Калита

Хан назначил великим князем Михаила, но Юрий поехал в Орду. Ханом в то время был Узбек, который принял магометанскую веру. Для татар он был очень справедлив, но ни один хан не сделал столько бед русским князьям. Он отдал великое княжение Юрию. Юрий женился на сестре его, Кончаковне, и он отдал ему в помощь татарское войско под начальством Кавгадья. Михаил, чтобы не проливать напрасно крови, уступил ему великое княжество и просил Юрия оставить его спокойно княжить в Твери, но Юрий принялся разорять Тверскую область; тогда Михаил собрал на совет тверских архиерея и бояр и спросил, виноват ли он перед Юрием. Они ответили: «Ты прав, государь, перед Богом, и если твое смирение не укротило врага, то иди на него, с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за тебя». Михаил сказал: «Не за меня, а за невинных людей, которых лишают свободы и жизни».

Михаил сразился с Юрием и татарами. Он бросился в самую страшную сечу; шлем и латы его были прострелены и иссечены, но сам он остался невредим; татары и Юрьево войско побежали; множество пленников, которых татары побрали в тверских селах, смотрели, скованные, на эту битву и молились за своего князя. Когда он освободил их, они плакали от радости. Кончаковна и Кавгадый попались ему в плен. Он запретил воинам убивать бегущих татар, угостил Кавгадья, одарил его и отпустил в Орду. Кавгадый поклялся быть ему другом. К несчастью, Кончаковна умерла в Твери. Юрий поехал к Узбеку и распустил слух, что Михаил велел отравить ее. Поехал в Орду и Михаил. Перед отъездом он сказал своему духовнику: «Я всегда любил отечество, а не мог прекратить убоицы; буду доволен, если смерть моя прекратит ее». Во Владимире его встретил ханский посол и сказал, что Узбек гневается, что если Михаил через месяц к нему не приедет, то татары нападут на Русскую землю. Сыновья и бояре Михаила уговаривали его не ехать в Орду. Михаил сказал: «Нет, можем ли мы бороться со всей силой неверных? Если не поеду в Орду, то за мое ослушание падет множество голов христианских; толпами погонят русских в плен. Мне и тогда не миновать смерти, лучше же умереть теперь, когда своей погибелью могу спасти других».

Он приехал в Орду и сперва прожил шесть месяцев спокойно, но потом хан велел судить его. Михаил оправдался во всех обвинениях, но главным судьей был Кавгадый, который всячески вредил Михаилу; судьи не слушали Михаила, велели паковать в цепи, сняли с него княжеские одежды.

Узбек поехал на охоту. Эта ханская забава продолжалась месяца два. Выезжала на нее вся Орда, то есть несколько сот тысяч человек. Все они наряжались в самые богатые одежды и садились на лучших коней; множество купцов с товарами ехало за ними, и где они останавливались в степи, там как будто делались многолюдные города. Михаила везли за Ордою; он на пути дважды приобщался Святых Тайн, проводя ночи в молнию. Однажды Кавгадый вывел его на торговую площадь, где было множество людей, поставил на колени, глумился над ним и потом сказал: «Не унывай, хан это и с родными делает, завтра выйдет милость, и ты будешь в чести». Кавгадый ушел. Михаил сел на площади. Толпа окружила его и стала говорить: «Вот этот пленник был великим государем в своей земле!» Глаза Михаила наполнились слезами, и он сказал слова из Святого Писания: «Все видящие меня покивали головами... уповаю на Господа!»

Верные бояре и слуги виделись с ним и несколько раз предлагали ему бежать, но он отвечал: «Бегство может спасти меня, а не отечество. Пусть будет воля Господня!» Наконец Узбек утвердил решение судей Михаила, которые приговорили казнить его. Михаил узнал об этом, отслушал заутреню, благословил сына, простился с боярами, развернул псалтырь и прочел:

«Сердце мое смутится во мне и боязнь смерти нападе на мя». Ему стало страшно, но один из бывших с ним духовных сказал: «Государь! В этом же псалме дальше написано: «Возверзи на Господа печаль твою». Михаил стал продолжать слова псалма: «Кто даст мне криле яко голубине? И полещу, и почию». В это время вбежал один из слуг и сказал, что подъезжают к шатру Юрий, Кавгадый и множество народа. Михаил отвечал: «Знаю, для чего». Юрий и Кавгадый остановились у шатра. Татары вломились туда, разогнали слуг княжеских. Михаил молился. Они бросили его на землю, мучили, били ногами. Один из них вонзил ему нож в грудь и вырезал сердце. Юрий и Кавгадый подъехали к шатру. Тело Михаила лежало нагое; Кавгадый сердито посмотрел на Юрия и сказал ему: «Он твой дядя; оставишь ли труп его на поругание?» Слуга Юрия прикрыл тело Михаила своею одеждою. Жена Узбека защитила сына и некоторых бояр Михаила, другие были убиты. Бояре Юрия отвезли тело Михаила в город Маджары. Там купцы, знавшие покойного князя, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и внести в церковь, но бояре Юрия не пустили их подойти к трупу и бросили его в хлев. Наконец тело святого мученика привезли в Москву и похоронили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.